

«МОЯ КНИГА»

- Книги для детей и взрослых
- Канцелярия в ассортименте
- Подарочные издания, сувениры
- Краеведение, ретрооткрытки
- Наборы для детского творчества
- Развивающие игры

Мы ждём Вас по адресам:
ул. Советская, д. 11
тел.: 8-900-495-79-35
ул. Ореховая, д. 7
тел.: 8 (4752) 58-31-61

Друзья!

Торговое предприятие «Моя книга» — на сегодняшний день единственное в нашем регионе, которое реализует не только книги местных авторов, но и живописные работы как начинающих, так и маститых художников. Кроме того, книжный магазин поддерживает по-своему уникальное издание «Рассказ – газету». Только здесь её можно приобрести, причём совершенно бесплатно. Газета рассчитана на широкий круг читателей, но при этом она развивает художественный вкус, знакомит с новыми произведениями писателей, краеведов, культурологов, чьё творчество так или иначе связано с Тамбовщиной.

№ 10 2017 г.
Издаётся с 1991 года

РАССКАЗ- газета

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

«Кружком означен навсегда»

Время показало, что авангард в поэзии оказался, в отличие от политики, силой не разрушающей, а созидющей. Это направление подарило русской поэзии Владимира Маяковского, Велимира Хлебникова, Давида Бурлюка, Алексея Кручёных, Бориса Пастернака, Андрея Вознесенского... И сегодня традиции русского авангарда продолжают номинант на Нобелевскую премию Константин Кедров, Маргарита Аль, Елена Кацюба, наши земляки Сергей Бирюков, Алексей Шепелев, Александр Федулов... Кстати, эти авторы любезно согласились опубликовать свои произведения в «РГ». К сожалению, нынешние читатели авангардную поэзию знают мало или почти не знают. Многие годы футуристическая эстетика если и не была под запретом, то находилась на обочине литературного процесса.

На авангардной карте России Тамбов «кружком означен навсегда!» Например, в нашем городе учился в гимназии №1 Давид Бурлюк, много лет здесь с семьёй прожил поэт-палиндромист Николай Ладыгин, саунд-поэт Сергей Бирюков ещё в 90-е годы организовал единственную с мире АКАДЕМИЮ ЗАУМИ (АЗ). Она объединяет авторов, работающих в традиции русского авангарда, и исследователей авангарда из разных городов России и зарубежья (США, Германии, Японии, Польши, Италии, Финляндии, Сербии, Хорватии, Канады).

Сегодняшний номер «РГ» почти весь посвящён русскому авангарду.

Олег Алёшин,

Экслибрис из коллекции Сергея Денисова.

«Отцом русского футуризма» художник и поэт Давид Бурлюк был признан в тридцать с небольшим. Художественное направление просуществовало недолго, но дало стране Велимира Хлебникова, Владимира Маяковского, Василия Каменского. Самого же Бурлюка знают, в основном, по нарочито кратким воспоминаниям Владимира Маяковского («Я сам»), изданным впервые в Берлине в 1922 году. В них поэт посвятил своему учителю несколько глав. В одной из них — признание: «Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом».

продолжение на стр. 8

ИНТЕРВЬЮ

Поэзия – это, конечно же, не литература...

Внесенный в заголовок тезис поэта-авангардиста Сергея Бирюкова – это не банальная попытка эпатировать читателя «РГ». Мы предлагаем взглянуть на литературное творчество с непривычного ракурса.

— Сергей Евгеньевич, в античности поэзия была одним из видов музыкального творчества. Это вполне естественно, ведь человеческий голос, в сущности, — музыкальный инструмент, а нюансировка достигается неповторимой авторской интонацией. Но современная цивилизация упорно ставит поэзию в разряд литературы. А для Вас поэзия — музыка или литература?

— Для меня поэзия, конечно же, не литература, а искусство в широком понимании этого слова, где музыкальный аспект занимает доминирующее положение. Поэты-авангардисты в начале прошлого столетия не просто сопоставляли поэзию с музыкой, они даже анализировали стихи как музыкальное произведение. Кстати, я не раз писал о музыкально-поэтических теориях. В своих научных работах я исхожу из разработок основоположников и теоретиков русского поэтического авангарда. Например, автор знаменитого поэтического словаря Александр Квятковский, музыковед, композитор Леонид Сабанев, поэт и стихолог Михаил Малишевский рассматривали поэзию как близкое к музыке искусство.

И для меня поэтический текст — своеобразная партитура, которую необходимо исполнять так же, как это делают музыканты. Причём свои тексты предпочитаю сам и озвучивать. В этом направлении, как мне представляется, и стоит работать.

— Есть ли определение этого поэтического направления?

— Сейчас в ходу термин саунд-поэзия. От английского sound poetry – звуковая поэзия. На разных языках это звучит по-разному, но смысл один и тот же. Я предлагаю русский термин – звучарная поэзия. В ней есть разные линии: декламация с элементами музыкальности и просто звуки, точнее составление партитуры из звуков.

продолжение на стр. 2

«Без музея нам не обойтись»

У тамбовского коллекционера Сергея Денисова хранится одна из самых лучших в мире коллекций художественного и эпистолярного творчества поэта и живописца Давида Бурлюка — около 100 картин и эскизов, около трех тысяч писем. Известно, что эти уникальные экспонаты достались Сергею Денисову от коллекционера Николая Никифорова, который долгое время вел переписку с Давидом Бурлюком и был лично с ним знаком.

— Сергей, у кого, кроме Вас, есть еще солидная коллекция творческого наследия Давида Бурлюка?

— Мне трудно что-то говорить о других коллекционерах, как правило, собиратели предпочитают не афишировать свою деятельность. Но думаю, что нынешние олигархи потихоньку скупают наследие Бурлюка.

Насколько мне известно, довольно много его работ хранится

в семье художника Загоруйко, который в начале прошлого века проживал в Италии в Салерно. Бурлюк часто приезжал к нему отдыхать. Случалось, что в ранний период Давид Давидович продавал свои картины за сущие гроши, чтобы прокормить семью. Только в послевоенные годы он обрел материальное благополучие. Даже после его смерти часть архива была уничтожена скунсами. У меня хранится письмо его внучки, которая прямо пишет об этом.

Американцы во время спохватились и перевезли часть уцелевшего архива в библиотеку конгресса США. Не повезло и коллекции Николая Никифорова. Какая-то часть писем Давида Бурлюка у него была украдена в 2000 – е годы. Кроме того, некоторые тамбовские журналисты и краеведы брали письма Бурлюка у Никифорова для работы, а потом «забывали» их вернуть.

продолжение на стр. 9

(р.1950, Тамбовская область) — поэт, критик, перформер, переводчик, историк и теоретик авангарда, кандидат филологических наук, доктор культурологии, почетный профессор Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. Лауреат Международной литературной премии им. А. Е. Кручёных, Всероссийской премии им. Ф.И.Тютчева «Русский путь». Основатель и президент Международной Академии Зауми. В настоящее время преподает в университете им. Мартина Лютера (Германия). Автор более двух десятков поэтических и теоретических книг. Стихи переведены на 25 языков.

“ ЛЮБОЙ ПОЭТ ВСЕГДА НАХОДИТСЯ В НАЧАЛЕ СВОЕГО ПУТИ, НЕСМОТРА НА ТО, ЧТО БЫЛО СОЗДАНО ДО НЕГО. ”

Сергей Бирюков

Всё это идет от традиции русских футуристов, именно они одними из первых начали экспериментировать со звуковой поэзией. Велимир Хлебников, который, кстати, сам довольно тихо читал, но писал именно звуковые партитуры, вообще придавал большое значение звучанию. А вот ещё один основоположник русского авангарда Алексей Кручёных не только сочинял, но и замечательно читал. Помните его пять знаменитых строчек:

*«Дыр бул щыл
убеш щур
сум
вы со бу
р л эз»*

Он говорил: «В моем пятистишии больше русского национального, чем во всей поэзии Пушкина».

— Любопытно.

— Алексей Кручёных утверждал, что Александр Пушкин писал гладко, говоря музыкальным термином, легатно, когда в переходе от ноты к ноте не ощущается никакой промежуточной паузы. В стихах нашего великого поэта много гласных, оттого его стихи легко поются.

— Кстати, Осип Мандельштам и Иосиф Бродский не очень жаловали Пушкина, предпочитали поэзию Гавриила Державина с его высоким косноязычием.

— Это вопрос поэтического вкуса. Например, Велимир Хлебников преимущественно работал с гласными звуками, а вот Алексей Кручёных был увлечен шипящими, свистящими. Но это уже детали. С поэзией как музыкальным материалом работали и Владимир Маяковский, и Василий Каменский, и Давид Бурлюк...

Стоит отметить влияние русских авангардистов на мировую поэзию. Русские художники Давид Бурлюк и Василий Кандинский участвовали в группе «Синий всадник». Это объединение художников и литераторов сложилось в начале XX века в Германии. Именно от них за рубежом узнали об экспериментах русского авангарда. Об этом вспоминал

знаменитый немецкий поэт Хуго Балль. Интерес к звучной поэзии был огромен, на фоне этого интереса в 1916 году возникло движение ДАДА. Дадаизм, в свою очередь, способствовал появлению сюрреализма.

— Позвольте одну ремарку. Увлечение звуками, насколько я понимаю, не просто эксперимент, а попытка выразить содержание поэтического произведения. Ведь музыка, по определению русского философа Алексея Лосева, есть выражение чистого смысла.

— Хорошо, что вы напомнили о Лосеве, у него есть гениальные прозрения. Музыкальная основа поэзии несет в себе множество смыслов, она выявляет чувственную природу поэзии, воздействует на слушателя, на его восприятие, позволяет глубже погрузиться в текст, выявляя новые пласты смыслов. Этого читатель бывает лишен, когда воспринимает текст с листа.

— На мой взгляд, поэзия постмодерна не звучит, она умозрительна. Из - за сложной пластики, плотности метафор, ассоциаций, которые они вызывают, со слуха иногда трудно воспринимать тот или иной текст, необходимо внимательно вчитываться в каждую строку и не один раз.

— Всё это говорит о том, что поэзия многогранна. Поэты-авангардисты никогда не отрицали значения тех или иных школ, направлений, традиций.

Я довольно долго занимаюсь изучением разных форм поэзии. Для себя я разделил поэзию: для глаза, а также голоса и слуха.

Так вот, в поэзии для глаза я выделил: акrostих, моностих, анаграмму, палиндромом, фигурные стихи, визуальную поэзию.

Для голоса и слуха – заумная поэзия, центон, тавтограмма, музыкально-поэтические эксперименты.

Это разделение в какой-то мере условно, потому что эти вещи взаимосвязаны. Например, у Василия Каменского в 1914 году вышла в свет знаменитая теперь книга

«Танго с коровами». Свои стихи он называл «железобетонными поэмами». Сборник оформлен в стиле дадаизма (который возникнет позднее!). Поэмы были визуальными, поэтому он их так и называл. Когда я стал работать с этими поэмами, то понял, что их можно озвучивать, что я и делаю на своих выступлениях.

Ещё в античности существовали фигурные стихи, например, в виде ваз, креста. В России подобные техники практиковали Симеон Полоцкий и Гавриил Державин.

Не случайно, что все поэты-футуристы были художниками. В 20-е годы прошлого столетия Алексей Николаевич Чичерин, конструктивист, перешёл к графическим изображениям. Он их называл конструэмы, они замещали собой текст.

Велимир Хлебников говорил: «Ведь поэты рисуют». Да и Пушкин, как известно, рисовал на полях своих черновиков. Эти наброски необходимо воспринимать как часть текста.

Все эти идеи привели меня к созданию поэтической антологии, сопровождаемой исследовательскими статьями. Книга называется «Зевгма. Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма». Она увидела свет в 1994 году в издательстве «Наука». По сути, это пособие и одновременно хрестоматия для изучающих нетрадиционные формы русской поэзии XVII—XX вв. В 2003 году опыт издания повторён в Российском гуманитарном университете, но уже в расширенном варианте. Сейчас на сайте литературно-философского журнала «Топос» <http://www.topos.ru/autor/994/work> книга выложена в виде уроков поэтического мастер-класса. Мои исследования подтолкнули некоторых поэтов и теоретиков к более детальной разработке отдельных тем...На эти темы защищено несколько диссертаций в России и других странах.

— Авангард, который возник как противопоставление традиционным формам поэзии, теперь сам он обрел статус классики.

— Безусловно, но при этом не исчерпал себя, более того, во многом определил пути развития русской поэзии. Осип Мандельштам говорил, что Велимир Хлебников, как гигантский крот прорыл ходы, которыми будут пользоваться русские поэты ещё не одно столетие. Мы просто еще до конца не сознали его масштаб.

Олег Алёшин

ПОЛЁТ ДИНОЗАВРА

по наблюдениям учёных
голодные мыши живут дольше
так и запишем

но оказывается динозавры
летали
по наблюдениям ученых

ученые всё записали
на веб-камеры

и могли бы показать

но голодные динозавры
не желающие жить как мыши
под наблюдением ученых
съели оных
копии послали прикрепленным
файлом

таким образом
упорядоченная система
неожиданно
трансформировалась
в хаос
что по определению Пригожина
позволило выйти на новый
виток

динозавр спланировал
неудачно
клюнул носом в песок

ученые признали свою вину
косвенную но все равно

кто пил цыкуту
кто вино

все умерли
никого нет

динозавры в поиске
иных планет

В ДОМЕ МАГРИТТА

(Rue Esseghestraat 135, Brussels (Jette)
Филипу Меерсману

улитка впилась в чрево
Олимпии
вечность и невозможность
трансперсональность
но
завиток боли Жоржет
Ренэ Магритт пишет на кухне
вскипает кофе
трубка сопит
человек без лица
изображает шкаф
лёгкое перевоплощение
вещного мира
еще секунда
и улица
пустится
вдогонку

ТИГРОПЛАЧ

знаете ли вы
как плачут тигры
воют рыдают
зажимая лапами
рот - люг
вот
и закрывая глаза
чтобы
не упала слеза
крупная
как град
величиной с грецкий орех
ах
эх
как выплакивают
тигры
окончания гласных
и согласных
знаете ли вы
плач тигров
властных
катающихся по земле
в пароксизме любовном
настигающих
жертву
в виде собственной
тени
в свободном падении
со скалы

Елена Кашуба

Московская поэтесса, член Союза Писателей, член ПЕН-клуба. Участница Русских поэтических чтений в Сорбонне, на Лейпцигской книжной ярмарке, Русского Книжного салона в Париже, фестиваля «Киевские лавры», семинара «Seminarium hortus humanitati» в Риге, Первого пражского международного литературного фестиваля «Европа 2008», 6-го Волошинского фестиваля в Коктебеле, русско-австрийских дней литературы и поэзии в Вене, фестиваля «Славянские традиции», фестиваля Манхэ в Южной Корее. Лауреат фестиваля «Другие» за палиндромную поэзию, лауреат Волошинского конкурса в номинации «Мой дом открыт навстречу всех дорог» за стихотворение «Ритмы моря», лауреат журнала «Дети Ра» за подборку стихов «Витражные зрячие стекла», лауреат журнала «Окно» в категории «визуальная поэзия», лауреат литературной премии и медали им. Бориса Гринченко.

семейным волнам:
нынче там – завтра к нам
Матрос – это РОСТ – ТОРС – АМОР
это – ОСТ – МАРС – ТРОС
это – РОМ – МАТ – СРАМ

СВАЛКА – СВАЛЬНЫЙ ГРЕХ ОТХОДОВ

Все как свалилось, так и сваялось
Только манекен, лишившись головы,
решает проблему пола
у него с полом полный полбм
Он сам на себя составляет анкету
и сам из себя добывает ответы

Анкета манекена: наименование – *манекен.*

пол – *ман*, национальность – *немка*
родной язык – *нем*, образование – *нема́*
жизненное кредо – *мне!*
основное занятие – *ем*, любимое блюдо – *манка*
любимый цветок – *мак*, поэтический символ – *акме*
Кем можно заменить в случае отсутствия? – *некем!*

НА СВАЛКЕ ЗАМЕНИМЫХ НЕТ!

Любой стандартный предмет
на свалке приобретает индивидуальность
Все новые башмаки новы одинаково –
каждый рваный башмак рван по-своему!
Когда КАЛОША была ГАЛОША,
в ней был ГОЛ, а теперь – ШОК
был ШАГ, а теперь – ШЛАК
КАЛОША и БАШМАК – чего у них общего?
Только КАША и ША

Будто «просят каши» – а это любовь

На свалке вас ждет ЛЮБОВЬ!
В ней есть БОЛЬ, ЛОВ, ВОЛ, но нет воли
Как это СМЕРИТЬ?
Себя СМирИТЬ или СМЕР*ТЬ

Театр свалки

У свалки НЕТ стЕН, но есть сЦЕНА
где всему ЦЕНА есть и все бесЦЕНно
Здесь царит МАГ БЕД – МАКБЕТ
и чего РАДИ АКТИВЕН ПОЛОНИЙ,
если стих ГУЛ и ГАМ ЛЕТ,
а Офелию сторожит Розенкранц – ржавый кран
обтекает гниль цистерн – Гильденстерн
и за это им ПРИЗ – РАК ржавчины

РЖА – радуга распада
в ней ЖАР и РАЖ
она из лица сделает рожу

Вот ЛИЦО, вот ЛИЦа людей, целая ЛИГА
лиц
обмолотит их РИГА жизни, покроет РИЗА
смерти
и где была РОЗА любви, будет РОЖА
страха
СтраХ – страЖ наш

НА СВАЛКЕ ЕСТЬ ВИДЕОСАЛОН
Он показывает экологический сериал
«СЛОН»
(По заказу окружающей среды
и других дней недели).

Серия 1.

Белый СЛОН СтОН издал
в грязный СТОК упал
в нем как УТОК сновал
но жизни УрОК кончен
счастья УРЮК съеден
готовит кРЮК с криком КаЮК
смерть – узкоглазый КаЮр
Следующий КАДР –
черный КАФР сидит в КАФе
перед ним КАРЕ карт
выпала КАРА – жизнь КоРА гнилая
Лопнула КОЖА слона
раскрылась ЛОЖА нутра
и там где ЛУЖА дрожит как ЛУЗА
мУЗА свалки – МУХА

Фрагменты из супер-поэмы «Свалка» (1985-2003 гг.)

«Женбла, кот сепотил йес рим
в оге нитумы коворые.
Еог рпивзали бласвегие
акк бессоедника ан рип».
Дорфе Тетвюч*

* «Блажен, кто посетил сей мир...» и т.д.
Федор Тютчев (перевод с языка свалки).

Не выходя за пределы слова СВАЛКА
в нем найдут друг друга:
АС и СЛАВА, СКАЛА и ЛАВА
КВАС и ЛАВКА, ЛАК и ВАКСА,
ЛАВ и ЛАСКА, ВЛАС и КЛАВА
они наедятся САЛА и станцуют ВАЛС

СВАЛКА – СВАДЬБА СУДЬБЫ
Какая свалка без матрАса
Какая свадьба без матрОса
Он сине-бело-полосат
в нём дружина пружин и все торчат

те цветы
не цветы
т.н. кресты

их поливали
всеми жидкостями
их посыпали
всеми лакомостями

они стеной
встали и
машут лопастями.

1997г.

твоя больная плоть
моя больная плоть
мы делаем в постели боль
мы запотели плохо
твоё больное тело плывёт
оно большое тело плот
но тебе мешает столп
это я топлю мешками камни
стоп лодка я в тебя наползу
я в тебя-то накладу накрою
щель закрою на щеколду,
колдун.

16.07.2001г.

‘я’

мне фамилия эта пустой звук
мне имя это пустой звук
мне физический облик этот
пустой звук
мне духовная эта суть пустой
звук
мне вся эта пустота вокруг
звук
но пустой он

10.12.97.

Поэт, прозаик, автор книг стихов «Novokain ovo» (Тамбов, 2001), «Сахар: сладкое стекло» (М.: Русский Гулливер, 2011), а также нескольких книг прозы, в том числе «Maximum exhtetum» (М., 2011), «Москва-bad» (М., 2016), «Мир-село и его обитатели» (М.: Эксмо, 2017). Лауреат Отметины им. Д. Бурлюка, премии «Нонконформизм», финалист премий «Дебют», Андрея Белого, «Национальный бестселлер» и др. Публикации в альманахах «Черновик» (Нью-Джерси), «Reflections» (Чикаго), «Альманах Академии Зауми», журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Нева», «Волга», в газетах «Литературная Россия», «Независимая газета» и др. Стихи переводились на немецкий и французский языки. Кандидат филологических наук.

She

Варенье
шкурки в нём, окурки
бычки, семечки
остатки от курения,
плоды подсолнечника
спички в нём
горетье, пачки сигаретные
картофельные очистки и
огрызки
картонки, карточки, отонки,
открытки
списки, sick siskin, щи.

2.11.97г.

Есть тоска / цвет морской волны /

под дождём
под плащом

стоишь
в луже
и спишь
хуже

в резиновой коже
на разных похоба

с
обнажённых
ножек
по ним ножик
лёт ржавчину
может

тушь
сошла в зелёную
грязь
тут уж
тесма сорвалась
и
зима взорвалась
в сушь

только
колкий
колос
волос

капюшон -
шляпка сочной поганки
в небо вшёл
до солнцестоянки

синий жук
мятный крем
зелень рук
запах ем.

осень 1997 г.

Алексей Шепелёв

привлечится моя
волчица
отрыгнёт чуть-чуть
котлеток –
коровий слизлый последок
для голодных деток
я сожму её крепко-крепко
зубами
тяжело мы дышим вматыми
боками
мы умираем и думаем
наши детишки – мы сами.

25.07.2001

Бог жив
Но живы и Его врази –
Между ними в России, в
Евразии – мы

2014 г.

Для личного пользования

Не спеша скрипит и тащится телега по зябнущему лугу, оставляя за собой ещё густые колеи.

Сяду спиной к вознице.

В этом архаичном слове спрятано что-то от далёкого горизонта, зовущего, манящего бесценными сокровищами: пчёлкой на жёлто-белых цветках липы, здоровым покоем размеренной жизни, улыбкой умного цензора. Мне нравится это мудрое слово – возница.

Итак, я сяду, привалясь к тёплому брезенту, под которым рядками уложен хлеб. Он вкусно пахнет и приближает меня к дому, в котором я давно не был. Незнакомый хлебовоз с раскосыми невнятными глазами не докучает расспросами. Чистый воздух, красноватые редящие рощи, черные вспаханные поля, овраги, овраги, яруги, мягкое потряхивание повозки.

И так всю жизнь...

Блажен, кто дремлет.

Обрывки фраз, облака, лица, смятая колесом зелёная запоздалая крапива, голоса, голоса свободным потоком пересекают мое сознание, моё тело. Искажённые проекции далёких звезд – преходящий поток света, информации, любви, гнева. Когда-нибудь он иссякнет, и мы увидим, превращаясь в соляные столбы, взрыв, уничтоживший звезду и создавший Нечто. Например, эту дыру.

А пока мы приглашаем их в свидетели, слагаем им стихи, молимся, призываем их гнев в свою защиту и негодуем, не получая помощи. Нам невдомек, что взываем в пустоту, освещённую умершими для личного пользования. Кому нужна какая-то одиноко ползущая телега, мелькнувшая в просвете туч!

...Вокруг дома тяжёло ходили. Лампа потухла. В щель между штор с улицы кто-то упорно смотрел, щёлкал по стеклу ногтем, потом барабанил в дверь. Сначала тихо, затем громче и громче. Сыпалась штукатурка, дребезжали стекла, звенела в буфете посуда. По радио исполняли Гимн. В люльке хныкал ребенок.

-У-у, змея подколодная!

Затаившееся ожидание утра...

«...Ты вряд ли помнишь, как горели конюшни. Это когда весь наш куст слили в одну лохань под названием Путь... ну, мы все там будем. Говорили - был умысел, чтобы не досталось «им»! Кому?! Ты бы видел эти пустые зарастающие дороги!

Я сейчас думаю: а ведь наша «шагрень» начала ссушаться ещё тогда-тогда. Перечитала недавно Лескова – о каменных домах, которые намеревались быть домами. Не тут-то было! Под нужники! Читаю и называю всех по именам. Вот они, живы - здоровы, соседи. И что после этого? Повеситься? Утопиться? Бежать? Куда?

На Бежин луг - в детство.

Нет, цивилизацию на вилах не принесёшь. Затопчут. Нажрут – остальное под ноги.

Не напасёшься.

Одно радуется – дожили до пенсии. Ты и представить себе не можешь, какая это благодать. И шут с ними, с этими карманниками, которые всё время куда-нибудь нас ведут.

Никогда не думала, что старость приносит облегчение. Вчера полола картошку и вдруг как кто обухом по голове – аж круги разноцветные в глазах – или завтра дня не будет?! Повернулась и ушла с огорода – а!

чёрт с ней, с картошкой! Поверишь ли, так легко стало.

Истинно свободный человек! Мысли отколь ни возьмись государственные поперли. Захотелось перед кем-нибудь похвастаться. Да, слава Богу, не перед кем.

Отец вот привет тебе шлёт. Вспоминает лаптеплетение. Говорит, что скоро может пригодиться. А я всё никак не могу привыкнуть. Просыпаюсь в четыре, встаю, иду.

Александр Федулов

Родился в д. Шабловка Инжавинского р-на Тамбовской области.

Поэт, прозаик, визуальный поэт, член Академии Зауми и Российского союза профессиональных литераторов, лауреат Международной Отметины им. отца русского футуризма Д. Д. Бурлюка. Печатался в областных газетах, в журналах «Волга», «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Журнал ПОэтов», «Черновик». Автор книг: «Книгиры», Тамбов, 2001; «Аз Ука Люди»: М: Вест-Консалтинг, 2006; БИ-Л-О; Взпуски со змеем; АПРОПУСЫ изысканные читателем; ШУТКИ ПАНА ЭРОТА, и не только; Закуты; Миражись. Роман усекновений: — Студия печати Галины Золотовой. Его произведения представлены в книгах: Сергей Бирюков. «Зевгма. Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма». М.: Наука, 1994; Сергей Бирюков. Поэзия русского авангарда. М.: Изд-во Руслана Элинина, 2001; в антологиях: Антология русского палиндрома XX века / сост. В.Н.Рыбинский. М.: Гелиос АРВ, 2000; Жужукины дети или притча о недостойном соседе. Антология Короткого рассказа. Россия, 2-я половина XX в. сост. А. Кудрявицкий – М.: Новое литературное обозрение, 2000; в Материалах международной конференции – Поэтика исканий или поиск поэтики. М.: Институт русского языка им.В.В.Виноградова РАН, 2004. В 2002 году участвовал в выставке визуальной поэзии 02xt в ART ACADEMY OF CINCINNATI's; в 2011 – в выставке ALPHABET OF ART.

Куда? Зачем? А ведь те — тогдашние, тогдашние — смалолетства, почитай, на пенсии находились.

А только и знали — стрелялись, сивались да в карты проигрывались. Неужто и у них среда виновата? Да когда же четверг-то станет?!

Ты просил новостей. Они у нас всё одного пошиба.

Фёдор Игнаш зарезал себя. Ты его должен помнить – комбайнёром был, в передовиках ходил. Тебя за штурвал как-то брал. Царствие ему небе...не знаю даже, ведь это грех. Земля ему пухом. Дядя Вася, сосед, утонул. Не допил, пошел и утопился.

А намедни нам хлеба привозили из города. Белых булок румяных мягких. Я захватила. Знатная из меня

захватчица вышла. А ещё говорят – мы не милитаристы. А вспомни наши всегдашние разговоры – захватил то, захватил это: керосину, тросов, пряников, что на всех никогда не хватает.

Закругляюсь, боюсь, не дочитаешь. Все остальные живы - здоровы. Воруя, пьют. Да, не помню, писала или нет, - по весне Мерина трактором переехали. Наши старухи ходили смотреть, а я не могу. Каким бы он ни был, буду помнить его

Посмотри за тятей. Далек ли до беды...

Он представил, как выходит к свету из Долины Теней усилием воли Океана и окруживших его звезд и этой женщины. А что же он? Была ли в этом акте и его воля? «Чьё солнце я пью, замурован в стене?»

Словно маяк, просигналил в темнеющей высоте красными мигающими огнями большой самолёт.

Волна неожиданно ударила в него, хлынула в лёгкие, разворачивая их. «А-а!» – испугался и закричал он впервые в жизни и задышал, забывая своё прошлое. Огромное холодное пятно окутало его, сжимая.

До Весны, до новых погружений.

«...начинаю постигать, что такое пустыня. В метафизическом смысле. Внемлет ли она Богу, не знаю. Он явно от нас отвернулся. Все, кто успел, уехали. Оставшиеся пополняют погост. Только вчера похоронили Сёму. Уже ваш класс. Пьяный трактор. Увы.

Да что это я всё о печальном! У нас теперь и комедии ставят заезжие артисты. Как-то наведывались к Николаю Палкину. Помнишь его? Вы с ним всегда так славно дрались.

Он недавно вернулся из тюрьмы.

Видать, крепкая обида на него у них была, раз за пять лет не забыли. Весь дом из ружей изрешетили, за ним бегамши. Хорошо Машка, мать его, дома была, не растерялась.

Схватила косу и как Василиса Кожинова: «Ах! вашу мать!» Только их и видела.

Не знаю, что у вас в городе сейчас, а у нас весна. Приехал бы».

Он набрал побольше воздуха и глубоко нырнул в расступившиеся воспоминания, рискуя быть раздавленным. Среди синих туч мелькнула опустевшим иллюминатором луна.

Кто-то выбросил пустой флакон из-под дорогих духов.

...Как-то быстро распустились ландыши в том году. Ожило эхо. В сильном пламени прощального костра, потрескивая, сгорали и ночь, и звезды, и тихие силуэты лошадей, и шорохи, и вздохи, и всхлипы, и тени теней. И три мифических сестры рыдали в том огне.

Но об этом мы ещё не догадывались, счастливые.

Лишь обгорелая берёза, одна из многих, что мы посадили в первый день своего школьного дня, шлёт мне письма, нацарапывая углями свои глаголы.

...что же ты не едешь? Нас осталось только двое – ты да я. Возвращайся, ведь каж...день уно... ча... бы...

Я сяду спиной к вознице. Смотрю, как всё больше и больше лугов, полей и роц остаётся позади. Много дорог теряется между ними вдаль. Можно было бы прыгнуть и пойти пешком – так короче, но лень оторваться от тёплого хлеба.

Мужик погоняет, телега шибче бежит под бугор, всё резче подпрыгивая в колеях. Вечер обволакивает чернотой. Лошадь скользит и приседает. Холодно. Хочется поскорее увидеть дом, родных. Нетерпение разогревает. Жарко. Душно. Домой!

Домой! Скорее домой!

Прямо на нас стремительно падает звезда.

P.S. В карманах покойного не было ничего, кроме нескольких затёртых, замусоленных писем без обратного адреса и дат.

«Если не найдётся места в Пространстве, оно будет во Времени!»

Настоящий русский интеллигент, доктор филологических наук, профессор, лингвист, основатель научной школы, историк литературы, яркий общественный деятель, талантливый поэт, член Союза российских писателей, джентльмен, в конце концов... Всё это Владимир Руделёв – личность неординарная и в тамбовской литературе знаковая. В этом году он отметит почтенный юбилей. Восьмого июля ему исполнится 85 лет.

Рассказывать о нём сложно, и дело это, в сущности, неблагодарное, ведь он сам есть книга, точнее – рассказ в рассказе. Таких неохватных людей нельзя коснуться лишь вскользь – в них по-настоящему нужно погружаться. К тому же, Владимир Георгиевич охотно это позволяет.

Сегодня он не так скор в походке, горяч в движениях и страстен в поступках, как прежде. Разумеется, годы берут своё. Но в его глазах – всё тот же пламень. Таким Владимира Руделёва Тамбов знает, помнит и любит. На смену прежней энергичности, любви к эксперименту, экспрессии, пришли другие состояния – самопогружение, отстранённость, закрытый и практически аскетичный образ жизни. Так, на Лермонтовской улице (поэт любит называть её ласково, по-старому – Тёплой) и пребывает этот монашеского вида учёный-поэт.

И по сей день Владимир Георгиевич продолжает интересоваться литературной жизнью, работать, не теряя философский настрой, предаваться воспоминаниям и оставаться в светлом уме и под крылом своей музыки. А прошлой весной поэт вышел в свет из своего добровольного, домашнего заточения – презентовав в стенах родного Державинского университета свой 12-й поэтический сборник «Полёт Золотой Стрекозы в саду Поэта».

«ЧЕЛОВЕК Я – РЯЗАНСКИЙ»

Путь его профессионального и духовного становления – это история отечественной интеллигенции середины и конца двадцатого века.

Назвали его, как признаётся он сам, в честь великого вождя: «Мой отец был коммунистом и атеистом и, естественно, он назвал меня в честь Ленина. До 10-ти лет я не был крещён. И так тогда было почти со всеми...»

О корнях... По своей крови, по роду – человек рязанский. Отец, Георгий Алексеевич Руделёв, происходил из крестьянского рода, родился в деревне Кондаково под Рязанью. Мать, Елизавета

Алексеевна Алфёрова, напротив, – потомственная горожанка. Но родился он не в Рязани, а на Смоленщине, в Ельне. Родители оказались там в поисках работы и жилья. В Ельне будущий поэт и учёный прожил почти пять лет, пока в 1937 году не арестовали его отца «по какому-то сфабрикованному делу».

Мать с Володей и только что родившейся сестрой бежала в Рязань, в свой родительский дом, к сёстрам. Для Владимира Георгиевича древний рязанский край стал великим открытием, вечной темой рассуждений, вдохновенных взлётов. Серебряные клады, ржавые мечи, гробницы, соседство дома матери поэта с великим творением Якова Бухвостова – Успенским собором, крепостной вал – всё это прочно врезалось в память и сердце, переплавилось в дивные образы.

ПАМЯТЬ ВОЕННАЯ

Вскоре отец вернулся из заключения. Перед началом войны его мобилизовали, он служил в Туле в строительном батальоне. Затем их перебросили на Урал, в город Краснокамск. В самый разгар войны отец попросился в действующую армию. В августе 1942 года он погиб на той же Смоленщине, недалеко от Гжатска.

«Я был в тех местах вместе со студентами в 1971 году, – вспоминает мой собеседник, – но на могиле отца побывать не удалось – помешал осенний разлив реки Вори...»

В Рязани, в родительском доме матери, он прожил 20 лет. Хорошо помнит войну, бомбёжки. Дом матери стоял в древней Архиерейской слободе, неподалёку от Спасского монастыря, в тридцатые годы значительно разрушенного. У начала слободки находился крепостной вал, на нём во время войны стояли зенитки, которые дружно пугали немецкие самолёты, а сбивать не сбивали.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА

В Рязани он окончил школу, институт и аспирантуру, приобщился к поэзии и театру. Там у молодого увлечённого человека было много друзей, была и любовь.

В школе, которую он окончил в 1950 году, до него учились академик Иван Павлов (великий физиолог) и известный советский поэт и писатель Константин Симонов, учителем здесь работал писатель Александр Солженицын. А институт стал родным домом. Своим педагогам, институтским профессорам – «этим дивным и

мудрым людям» – Владимир Георгиевич обязан многим.

После окончания Рязанского педагогического института и аспирантуры судьба забросила его в Оренбург, который поначалу был абсолютно чужим городом. Вот как говорит он об этом крае:

«Но шло время, многое менялось, и степной город с его пугачёвской историей, с побывавшим в нём Пушкиным стал вдруг мне родным и приятным. Двадцать лет я прожил в Оренбурге, работая в педагогическом институте: читал лекции по истории русского языка, заведовал кафедрой, писал докторскую диссертацию. Было много прекрасных друзей. Чуть было не стал профессором Тартусского университета. Уже стоял в расписании. Но жизнь распорядилась иначе...»

С младших курсов студенчества Владимир Руделёв увлёкся народным русским языком и его историей. Ездил в диалектологические экспедиции по Рязанской области и Тульской, по Тверскому краю, забредая даже на земли Господина Великого Новгорода.

ТАМБОВ ГОСТЕПРИИМНЫЙ

Приглашение на работу в Тамбов, в открывающийся университет, стало для него неожиданной и высокой честью. Здесь ему удалось наилучшим образом раскрыться как учёному-русисту, создать Тамбовскую лингвистическую школу. Понемногу начали печатать и его поэтические опыты.

«Отношение ко мне в Тамбове на всех уровнях, даже на самых высоких, было хорошее, почти идеальное, – возвращаемся к биографическому увлекательному рассказу и удивительно поэтичному слогу Владимира Руделёва. – О лучшем я и не мечтал. Открылась возможность быть за границей (Румыния, Болгария, Чехословакия, Венгрия). Были созданы хорошие жизненные условия. Меня обильно печатали. Именно в Тамбове я написал и издал лучшие свои книги, в том числе и поэтические. В Тамбове удалось создать научную школу и напечатать шесть томов избранных произведений. Что ещё нужно учёному и поэту! С благодарностью я вспоминаю своих высоких покровителей: Василия Чёрного, Галину Мукину, ректора

Владимир Руделёв

Владимира Виноградова, первого нашего мэра Валерия Ковалёва. Не всё, конечно, шло ровно и гладко. Слабыми оказались мои семейные тылы. Но в Тамбове всё складывалось гораздо лучше, чем это было бы в Оренбурге или где-нибудь ещё...»

О СУДЬБЕ ПОЭТА

Чтобы понять, ощутить поэтический дух Владимира Руделёва – мало прочитать его стихи, поэмы. С этим человеком нужно (и это большая радость!) говорить о поэзии.

Писать стихи Владимир Георгиевич начал рано, но, как признаётся сам, «хорошую поэзию ощутил в себе довольно поздно». По его твёрдому убеждению, созданию стихотворений помогает Божественное Провидение.

Другой вопрос – как здесь, на Земле, отзываются эти высшие слова. Печалит его отношение общества и государства к поэтам. И снова – яркая цитата: «Судьба русского поэта всегда тяжела и незавидна, даже трагична. В России власти не почитали поэтов. Пушкина до сих пор ещё унижают, называя национальным, отнимая у него космическую славу, у Есенина, придумав версию самоубийства, отняли право даже быть отпетым и похороненным по православному обряду. Великого тамбовца Харланова продолжают преподносить как рядового, средней величины автора. Большого унижения не придумаешь. И всё же – это большое, большое Счастье ощутить себя причастным к великому жизненному торжеству – Поэзии».

Елена Луканкина.

ЛЮТНЕВАЯ МУЗЫКА

Из старофранцузской поэзии

Ни боли на сердце, ни слёз на лице
со дня твоего возвращенья.
Как холодно нынче у нас во дворце.
Как медленно тлеют поленья.
Позволь, я прибавлю в камине огня
ты в кресло садись поуютней.

Сыграй мне, прекрасная дочка

моя,
на тихой пленительной лютне.
Давно не свершаю я
царственных дел,
постылы мне козни и казни.
Презренный народец ко мне
охладел,
и слуги не знают боязни.
Жена-королева погрязла в боях,
сын её глупый не люб мне.
Сыграй же, прекрасная дочка
моя,
на тихой пленительной лютне.

Я сам к нашей песне прилажу
слова

и лёгкие крылья припева.
Споём эту песню и раз мы и два,
пока не пришла королева.
Нет дара у дуры и слуха.
Притом
ей всюду мерещатся плутни.
Поверю ль я в то, что за чёрным
окном
мне вьюга играет на лютне.

НАЧАЛО ЗИМЫ

...И этот вешний,
а не зимний воздух –
от клейких луж,
от листьев,

от машин.
Он грустный и загадочный,
как возраст,
до коего я вот уж и дожил!
И это ощущение театра.
Песочный свет.
И синева кулис.
Моя голубоглазая дикарка,
тогда и ты на сцене появишься!
И в роце рук,
навстречу нам простёртых,
в дожде аплодисментов
и бравад –
друзья мои,
бессмертные актёры,
пусть повторяют свои слова
стократ.

Московское издательство «АртХаус Медиа», только что выпустило поэтическую книгу М. Кудимовой «Держидерево», на которую уже появился ряд рецензий. Теперь в этом же издательстве готовится к выходу книга прозы Марины Владимировны. В повестях и рассказах присутствует множество узнаваемых примет тамбовской юности нашей землячки. Верные читатели с нетерпением ждут Кудимову в новом качестве - прозаика, а мы представляем их вниманию одну из новелл, вошедших в новую книгу.

Как всегда, я попала в зазор между сменой смысла и невозможностью переименования, когда «самодеятельность» уже была уравнена в правах с «творчеством», а инстанция, контролирующая и направляющая это равенство в нужное русло, называлась по-прежнему: Дом художественной самодеятельности. Я очутилась в этом пристанище отставших, потерпев очередную ряд фиаско – в переводе «бутылок», в которые я, не пропуская ни одной, пыталась влезть (исключительно фигурально). Почему, собственно, директриса богоугодного заведения взяла меня, нарушившую все правила и отовсюду изгнанную, на работу, объяснить затрудняюсь. Уже через неделю можно было убедиться в том, что я по-чёрному неблагодарна: вместо разработки сценариев массовых представлений (от Праздника первого снопа до исключаящего жизнь этого снопа Дня работника химической промышленности), на которые меня тоже совершенно необъяснимо бросили, я, наконец дорвавшись до пишущей машинки «Башкирия», тюкала на ней бесконечно сольные экзерсисы, даже ради приличия не дожидаясь, пока начальница удалится в свой кабинет.

За каждый жанр творчества трудящихся отвечал сотрудник, по штатному расписанию числившийся методистом. Литературную вакханалию опекал методист Никифор Ульев, сам не чуждый поэзии. Никифор был единственным из методистов, круглый год загруженным под завязку: графомания в ту пору являлась едва ли не главным социальным недугом (или спасением), и подопечных Ульева на пути к Ленинской премии не могла бы остановить не только распутица, но и ковровая бомбардировка. Особенно запомнился мне автор, усердно летописавший бурсацкими виршами историю птицефабрики и еженедельно представлявший на суд сдерживающих истерический стон методистов новую главу.

Как истинная жизнь начинается после физического конца, так Дом художественной самодеятельности преобразался по окончании рабочего дня. Ровно в восемнадцать часов за директрисой заезжал ГАЗ-31, и уже в восемнадцать десять перед методистами открывался

необозримый горизонт наслаждений и самореализаций. Общество методистов украшали собой директора Домов культуры и клубов, солисты народных хоров и ансамблей и представители самых разнообразных жанров и видов творческого потенциала масс. Зачастую после неформального общения приходилось в срочном порядке проводить операцию «Пусть ты выпита другим», дабы не оскорблять утренний взор директрисы, благо стеклотара тогда принималась широко и повсеместно, да и в целом рынок вторичного сырья работал отлаженно.

Постоянным участником бдений был неразлучный друг Никифора Виктор Иванович. Прибавку к пенсии, позволявшую некоторые излишества, он обеспечивал себе собиранием и последующей реализацией даров леса. Однажды я соблазнилась народным промыслом и отправилась с Виктором Ивановичем по грибы. Сказать, что я, выросшая в уральской тайге, совершенно не представляла себе характера грибоискательского труда, было бы неточно. Но тот приснопамятный поход раз и навсегда объяснил мне разницу между профессионалом и дилетантом и их несовместимость. Нельзя пройти чужое поприще, даже когда тебя приглашают его пройти, – тем более когда приглашают. Правда, прощенья у Виктора запросила только километров через сорок, не раньше, и отлеживалась после броска всего дня три, но с тех пор, кажется, ни разу не пристраивалась к природосообразным представителям человечества, не подражала их абсолютно естественной сверхвыносливости и не грешила глобокомысленными записками фенолога, встретив рассвет (или закат) где-либо, помимо собственной спальни.

За машинкой же «Башкирия» я чувствовала себя не в пример комфортнее, нежели за грибовней, и часто оставалась в ДХС допоздна, становясь пассивной участницей неформальной стороны художественно-просветительской работы. Ко мне адепты Великого Досуга, который в докладах звался развитым социализмом, обращались, пересказав все анекдоты про Брежнева и допев «Яблони в цвету» до окончательного разнобоя. Мнения собравшихся о роде самодеятельности, которым я занималась у них на глазах, разделялись. Певец куроводства и яйценоскости укорял меня за оторванность от жизни, хотя я регулярно вносила рифмованную лепту в сооружаемый им эпос. И только Виктор и Никифор в безнадежной попытке урезонить маловверных просили время от времени: «А почитай-ка...»

Я, может быть, только теперь

Марина Кудимова

Родилась в Тамбове в интеллигентной семье. Окончила Тамбовский пед. ин-т (1973). Печатается с 1969. Автор многих поэтических сборников. Член СП СССР (1988), Русского ПЕН-центра (1991). Премии: им. В. Маяковского Совета министров Грузинской ССР (1982), ж-ла «НМ» (2000), им. Антона Дельвига (2010), Бунинская премия (2012), им. Бориса Корнилова (2013), «Писатель XXI века» (2014), Лермонтовская премия (2015). Живёт и работает в Москве.

Два ненормальных старика

осознала всю уместность смиренной просьбы моих первых поклонников – Виктора и Никифора. Только теперь, в одиночестве почти свершившейся судьбы, я поняла, что самый тяжкий грех – не откликнуться любящим и бескорыстным. Каким-то не постижимым наитием два нетрезвых пожилых человека поверили в мое предназначение не просто раньше и сильнее меня, но – в итоге – вместо меня, в пустых сомнениях и смятениях проведшую столько дней и лет!

Иногда выпадали вечера, когда мы оставались втроем, и я из горячки молодой гордыни снисходила до них, более всего на свете, может быть, дороживших этим снисхождением. Я не баловала поклонников излишним вниманием. Я просто не мешала им говорить обо мне так, будто меня уже нет не только в пространстве ДХС, но на территории обитаемой Вселенной. Виктор нет-нет давался вопросом, не испортит ли меня столь безудержное одобрение. Никифор же отвергал самую возможность подобного поворота. Горячо и несколько гундосо вставал он за право поэта быть хвалимым, ради этого проверяя даже тайно обожаемого им Пастернака:

– Не «одним подхалимам» известно, «кому быть живым и хвалимым!» Тут он неправ, да, неправ, хоть и гениален! Если бы Лермонтова хвалили, он не погиб бы в двадцать шесть лет.

Жизнь спустя отважусь не просто поддержать эйфорического Никифора, но посягнуть и на мнение непререкаемое – пушкинское. Клевету, хулу, да, без колебаний следует принимать «равнодушно». А вот хвалу... В любом диапазоне самоиронии надобно настезь раскрывать ей благодарное сердце с одной только поправкой – на искренность хвалителя. Без любви, извне посылаемой, пусть самой взыскательной и строгой, пересыхает ключистая местность творчества, покидает удача – его бешабажная проводница к людям. О, не отвергайте щедрот хвалящего, не лицемерьте! Ибо скуп человек на доброе слово еще паче доброго дела, скряжист и неуступчив просящему...

Зимний день рождения глуше летнего. Зимой можно отделаться открыткой, много – телефонным звонком. А и забудешь, так зима в России на долгих едет, все долги спишет. Для Виктора и Никифора мой февральский день был обязателен, как присяжный лист.

В ту зиму никто не вспомнил меня. Люди, обычно не внемлющие самым душераздирающим крикам, необычайно чутки к специфической безгласной напряженности, воцаряющейся вокруг ближнего накануне длительной неблагоприятности судьбы или безумного самочинного решения.

Право избегать в эти минуты прямого соприкосновения часто оборачивается непоправимой виной и маетой, как и всякое право, выторгованное нами в борьбе с законом любви. Уже довольно поздно, когда, по генетической памяти и рассказам мамы, энное количество лет назад меня принесли на первое кормление, дверной звонок возвестил гостей. Виктор и Никифор, очевидно понимая, что если здесь кого и ждали, то не их, и сглаживая мою по сему поводу неловкость, протянули в четыре руки какую-то коробку с показавшейся мне воплощением пошлости всех дней рождения лентой, а Никифор, усугубляя тошноту разочарования, объявил: «По дороге я сочинил стихи!» Кажется, я все же удержалась от протестующего выпада руки, потому что он успел пробормотать:

Два ненормальных старика

К тебе идут издалека...

На мое счастье, из комнат выдвинулись мама и бабушка с преувеличенно возбужденными приветствиями, и путевые приключения ненормальных стариков сами собой сошли на нет. А может быть, только две строчки и успел создать вдохновенный методист на морозе. Уже среди ночи, бессонной, оконной, канунной ночи перемены участи, я вдруг вышла в наш бесконечный, чулком, коридор, нащупала под ногами дар неразлучников и втянула его в свою пропитанную тревогой комнату.

Там была машинка. Моя первая пишущая машинка «Москва», достать которую можно было по благу такого порядка, в принадлежности к коему заподозрить моих воздыхателей я не имела никаких оснований. На задней стенке под кареткой я обнаружила – тоже ошупью – какую-то табличку и наконец включила свет: на серебряном параллелепипеде были вычернены мои стихи, которые особенно не глянулись куроводу. Я грюкнула машинкой об стол, вставила лист бумаги и вслепую напечатала что-то для пробы, не отдавая отчёта в сочетании букв ещё тяжело идущего, не привыкшего к руке шрифта. Взглянула мельком. Свежая лента оттиснула с излишним жиром:

Два ненормальных старика...

Боже мой, подумала я... Ведь они не могут не понимать, что теперь я перестану оставаться по вечерам; что скоро вообще уйду из их жизни, забрав подаренную машинку; что будет у меня потом дорогая «Оптим» или «Эрика», а эту я засуну на антресоли, если она вообще уцелеет под безжалостными ударами пальцев. Я еще не знала – и не могла подумать – о компьютере. А уж о том, что если и касалось техники, то преимущественно техники жить, я не знала тем паче, потому что не хотела знать.

Не отвергайте хвалящих, ибо хвалящие вас суть узнавшие вас. И – горе неузнанным...

«Отец русского футуризма» обосновался и в Тамбове

1 Отношения с советской властью у Давида Бурлюка, в отличие от его ученика Владимира Маяковского, не сложились. Сначала он подался на Дальний Восток, затем эмигрировал в Японию, потом перебрался в США, где прожил долгую и счастливую жизнь, став признанным классиком русского авангарда. Но в СССР его творчество было практически неизвестно, хотя он выставлялся в лучших картинных галереях мира. Накануне Второй мировой войны Бурлюк намеревался вернуться в СССР - отказали. Позже советское правительство даже не приняло от него в дар полотно «Непобедимая Россия».

Работы Бурлюка долгие годы пылились в запасниках провинциальных музеев, в фондах Третьяковской галереи и Русского музея. Только летом 1960 года несколько акварелей Бурлюка были выставлены в Доме дружбы с народами зарубежных стран, о чём газета «Вечерняя Москва» дала 12-строчную заметку.

Долгое время считалось, что тамбовский период жизни Бурлюка - одна из мистификаций тамбовского коллекционера Николая Алексеевича Никифорова. И когда в издательстве «Наука» в 2002 году вышла монография Ноберта Евдаева «Давид Бурлюк в Америке. Материалы к биографии», критики принялись оспаривать факт пребывания молодого Бурлюка в Тамбове. Пришлось обратиться в Государственный архив Тамбовской области, где обнаружился такой документ:

«Вследствие поступившего ко мне прошения от Давида Фёдоровича Бурлюка о принятии его сына Давида, ученика 6 класса Тамбовской гимназии, имею честь просить Вас, Милостивый Государь, сделать распоряжение о доставлении мне всех лично принадлежащих ученику Бурлюку документов, как равно свидетельства об успехах и поведении и копии с кондута за всё время его пребывания в гимназии».

Сохранилась также копия свидетельства ученика 6 класса Тамбовской губернской гимназии

Давида Бурлюка о его учёбе и поведении за 1897-1898 годы. Согласно этому документу Д. Бурлюк, сын запасного рядового православного вероисповедания, родился в с. Рябушки Лебединского уезда Харьковской губернии 9 июля 1882 года и был переведён в Тамбовскую гимназию в 1895 году. Таким образом, все сомнения о пребывании Бурлюка в Тамбове отпали.

2 До последних дней Бурлюк сохранял тёплые отношения к нашему городу, к реке Цне. Среди писем, присланных в Тамбов, хранится и письмо, датированное днём смерти Бурлюка. Главными его адресатами в Тамбове были уже упомянутый коллекционер Никифоров, краеведы Андрей Михайлович Белкин и Александр Степанович Чернов, художники, учителя. Причем многие письма дополнены рисунками. Переписка интересна и тем, что она не носила бытового характера, это, прежде всего, история, воспоминания о людях, которых он знал в России. Бурлюк соединил в себе два века русской культуры, круг его знакомств был огромен. Например, в одном из писем в Тамбов он пишет о встрече с поэтом Александром Жемчужниковым - одним из создателей образа Козьмы Прутков.

Благодаря эпистолярным контактам с городом детства в Тамбове оказалась крупная коллекция живописных работ Бурлюка, рисунков, писем, печатных изданий. В том числе и комплект журнала «Color and rhyme» - «Цвет и рифма», который издавал сам Бурлюк. Издатель посвящал его, главным образом, «себе любимому» и любимой жене Марусе. Несколько экземпляров журнала хранятся и в коллекции автора этих строк.

Значительная часть полотен, рисунков, рукописей, писем художника попали в собрание известного тамбовского коллекционера Николая Никифорова, а после его кончины большую часть собрания наследники передали в частный литературно-художественный музей Сергея Денисова, а в 2011 году тамбовское собрание писем Бурлюка с именным указателем коллекционер издал 700-страничным томом.

3 С семьёй Бурлюков - Давидом и Марусей - Николай Никифоров познакомился в 1956 году. Они приехали из Америки в Москву в первые дни политической «оттепели», но посетить Тамбов Бурлюкам не разрешили. В те времена иностранцу из страны «загнивающего капитализма» приехать в провинциальный город даже в качестве туриста было крайне затруднительно. Встретились они

в Москве. Вспоминая прежний Тамбов, Давид Давидович живо интересовался состоянием церквей, успехами социалистического строительства. В последний раз Бурлюк приехал в Москву незадолго до смерти и почти добился разрешения посетить Тамбов, о чём сообщил Николаю Алексеевичу. И приехал бы, но ему сообщили, что Никифоров... уехал в Индию. Ему действительно сделали предложение, «от которого нельзя отказаться», и Николай Алексеевич по туристической путевке отбыл «за три моря».

В Никифорове Бурлюк видел не только родственную душу, но и земляка. По возрасту Бурлюк годился Николаю Алексеевичу в отцы, да и относился Давид Давидович к нему, действительно, как к сыну, так он к нему обращался и в письмах. Неизвестно, закреплено ли это родство юридически, но после той встречи они постоянно переписывались, обменивались сувенирами, редкими открытками, марками.

4 Первая выставка, связанная с «отцом русского футуризма», прошла в музее С. Денисова в 2003 году и посвящена она была 120-летию со дня рождения Бурлюка. В экспозицию вошли уникальные материалы о Владимире Маяковском, его личный автограф на книге, подаренной им Василию Каменскому, книги поэта, изданные в ранний период его творчества, материалы из архива Лили Брик.

В числе экспонатов был и портрет легендарного русского силача, чемпиона России по тяжелой атлетике, одного из первых русских авиаторов, борца-профессионала Ивана Михайловича Заикина. Чемпионом страны он стал в 1904 году. «Лишь Ивану Поддубному удалось положить меня в 1907 году в Тамбове (Мир тесен! - Е. П.) и через год - в Париже на международном соревновании по борьбе. Тогда Поддубный завоевал звание чемпиона мира, второе же место досталось мне». Это строки из книги воспоминаний И. Заикина «В воздухе и на арене», изданной в 1963 году.

5 Характерную историю, связанную с Заикиным, поведал в книге «Справедливость силы» знаменитый тяжелоатлет всех времен и народов Юрий Власов. «Репродукцию, - пишет Власов, - мне подарил тамбовский коллекционер Николай Алексеевич Никифоров. Я тогда еще хаживал в «самых сильных мира». Я взял и сунул дарёные журналы и репродукции промеж книг на полке. Жил я заботами тренировок и надеждами выхода на новые результаты. И гасил в себе интерес к другой жизни, если она не приближала к победам...»

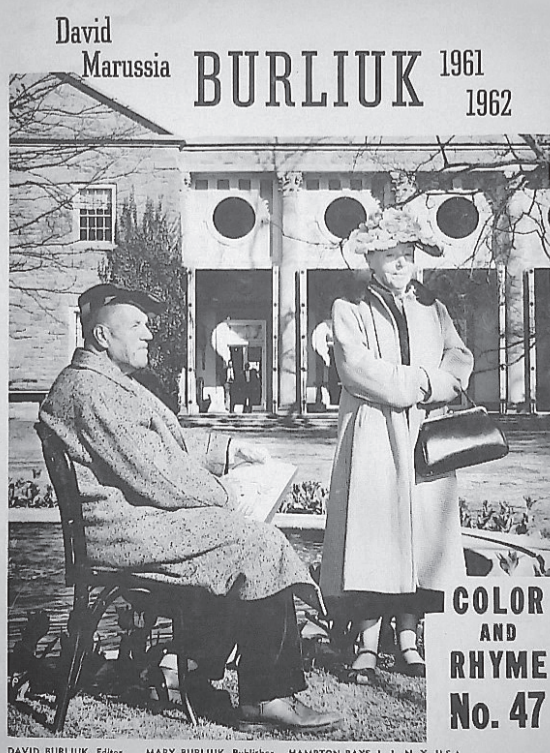
Но портрет почему-то никак не уходил из памяти Ю. Власова. Какая может быть связь между Бурлюком и Заикиным? И почему портрет написан во Владивостоке? И тогда Власов обратился к Никифорову. Тот с ответом не замедлил...

Когда Заикин увлёкся авиацией, то близко познакомился с другим русским авиатором - Василием Каменским. Тем самым поэтом-футуристом, который, разумеется, водился с футуристами Бурлюком, Маяковским, с «тихим гением» Велимиром Хлебниковым. Они вместе гастролировали по России, добрались до Владивостока, где Бурлюк и написал портрет своего друга Заикина, выполнив его в реалистической манере, что никак не вязалось с утверждением обывателей, что «футуристы и рисовать-то не умеют».

Позже Бурлюк рассказал Никифорову забавный эпизод, связанный с их совместными гастролями. Возможно, это мистификация самого Никифорова, но рассказ характерный...

Однажды во время своего выступления Бурлюк «влепил» очередную «пощёчину общественному вкусу», прочитав публично свой наиболее известный доклад «Доители изнурённых жаб». В зале возник шум, выступление оказалось на грани срыва. И тогда с первого ряда поднялся знаменитый Заикин, подняв над головой стул и начал крошить его руками. Зал притих, и он отчётливо произнёс: «Это я сотворю с каждым, кто помешает мне слушать Бурлюка». Выступление поэта продолжилось при гробовом молчании зала...

Евгений Писарев

DAVID BURLIUK, Editor. MARY BURLIUK, Publisher. HAMPTON BAYS, L. I., N. Y., U.S.A.

«Без музея нам не обойтись»

В письме (от 12 июня 1957 года) Бурлюк пишет Никифорову. Цитата. «Оно (наследие. Прим. редакции) разрознено, рассыпано, разбросано по частным и иным собраниям в России, Японии (оставлено, продано 200 картин), Франции и Германии, и около 2,5 тысяч в САСШ, Мексике и на Кубе».

Если бы изначально все работы Давида Бурлюка были сконцентрированы в одних руках, то это позволило быстрее и наиболее объективно оценить его вклад в мировую культуру. Поэтому сегодня мы еще не до конца осознаем масштаб этой личности.

— В 2001 году за собственные средства вы издали книгу «Д. Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова». Автор-составитель Александр Чернов.

— Да, книга солидная получилась. В неё вошло более 700 писем, написанных «учителем Маяковского» в 1956–1967 годах. Книга получила довольно много откликов, даже была номинирована «Литературной газетой» на премию поэта Антона Дельвига.

— Но почему в России мало кому известно имя отца русского футуризма?

— Трудно сказать. Возможно, сказывается сила инерции. Ведь в СССР Бурлюка считали средним поэтом, представителем буржуазного упаднического дореволюционного искусства, а футуризм считался формалистическим извращением.

— Возможно, это обстоятельство мешало ему вернуться на родину?

— Бурлюку не простили, что он, будучи убеждённым марксистом, эмигрировал в Америку. Хотя он дважды порывался вернуться в СССР, но, увы. В 1940 году он предложил музею Маяковского коллекцию работ русских художников и свой архив, библиотеку. Причем, предлагал не в штуках, а пудах – на вес. Но его не услышали. Кстати,

это ответ тем, кто говорит, что он боялся вернуться на родину, дескать, его здесь расстреляют. А за что? В 1956 году он даже продал дом, окончательно решив перебраться в СССР. Но в Москве ему задали весьма неприятные вопросы: «А где вы были в 20-е годы, когда нам нужны были специалисты, а где вы были в годы Великой Отечественной войны..?» При этом два его сына участвовали в боевых действиях на стороне наших союзников, да и сам он всегда был предан своей родине. Но, увы, не сложилось. Последний раз в СССР он побывал в 1965 году, за два года перед смертью.

— Сергей, немало слухов и домыслов сегодня породил Интернет. Говорят, что Никифоров был даже агентом спецслужб.

— Чушь. Если бы он состоял на службе в секретном ведомстве, то у Никифорова была бы хоть какая-то прибавка к нищенской пенсии. Просто Никифоров не боялся в те годы, в отличие от некоторых, переписываться с гражданином Америки. Более того, он выполнял даже некоторые поручения своего визави, иногда передавал его друзьям и знакомым картины, наброски, зарисовки художника, которые приходили по почте. В ответ Никифоров переправлял в США вырезки из газет, сувениры, открытки... Правда, американские и советские почтамты иногда теряли корреспонденцию.

— Известный журналист Евгений Писарев говорит о том, что Бурлюк порывался приехать в Тамбов, но ему не разрешили. В те времена для иностранцев было открыто всего лишь несколько городов в СССР. Наш город в их число не входил.

— Действительно, запретов в те годы было довольно много, немало и абсурдных. Но в этом эпизоде не могу согласиться с уважаемым Евгением Николаевичем. Бурлюк стремился попасть, прежде всего, в Москву, чтобы встретиться со своими

друзьями – футуристами, многие из которых тогда были еще живы. Тамбов ему не то что был неинтересен, просто времени всегда было в обрез. Никифоров это понимал, поэтому и встречался с ним именно в Москве. В 1965 году они провели в разговорах целую неделю.

— Сегодня украинцы утверждают, что Бурлюк – это их национальное достояние, память о том, что он родился в Харьковской губернии.

— Тогда Харьков входил в состав Российской империи, но главное, что Бурлюк писал на русском языке, а говорить можно что угодно, тем более в Интернете. Некоторые так называемые украинские исследователи утверждают, что Бурлюк тайно приезжал на Украину и гулял по набережной Днепра. Глупость, конечно. Однажды Никифоров выучил несколько фраз «на мове», чтобы при общении угодить Бурлюку. Давид Давидович ему сказал примерно следующее: «Коля, ты же не хохол, да и я не очень хорошо знаю мову».

— Для Вас Бурлюк гений?

— Вне всякого сомнения. Он был первым во многих открытиях футуристов. Например, некоторые живописные работы Давида Бурлюка перекликаются с художником сюрреалистом Сальвадором Дали. Меня этот факт

Сергей Денисов

в своё время поразил.

Кстати, в Тамбове заметили талант будущего художника, основоположника стиля ДАДА. На Солдатской улице (ныне ул. Тельмана) приблизительно год жил друг Левитана художник Николай Константинов. Он знаменит тем, что писал старую Москву. На основе его работ печатались открытки. Он сказал юному Бурлюку: «Рисуй». Об этом эпизоде рассказывает в своей книге московский бурлюковед Парнис. В гимназии №1 Тамбова, где учился будущий отец русского футуризма, преподавал живопись Резниченко, он также отмечал живописный талант мальчика.

— Насколько мне известно, Вы мечтаете создать в Тамбове музей Бурлюка.

— Разговоров на эту тему много, но результатов пока нет. К счастью, сегодня областным центром руководит Сергей Чеботарев – человек высокой культуры. Думаю, что он, как никто, понимает, что Давид Бурлюк – это марка Тамбовщины. Если мы хотим развивать внутренний туризм, о чём сегодня говорит региональная власть, то без музея Давида Бурлюка нам не обойтись.

Олег Валентинов

Из цикла «Камера обскура»

Олег Алёшин

У свежесожженных огней пустынного квартала
Осадок осени и отблеск черного металла.
Течет не время – это дождь – всего лишь состоянье
Полутонов, полунамеков и полуизгнания
Из прошлого, где ветер обобрал тепло до нитки
В какой-то темной подворотне. Виды из открытки
Дают понять, что есть у осени альтернатива:
На солнце жизнь всегда размеренна, нетороплива.
Здесь нескончаемый сезон коротких перебежек
И сквозняки уже не входят в перечень издержек
Ночных стояний возле окон. Уличный прохожий
В трико на брейгелевского охотника похожий,
Ведущий в стылой топи рой дворняг полуголодных,
Сливаясь с чернотой дерев и улочек безродных.
Дверей и ветра – суть – академическая ошибка.
Вдруг понимаешь, время – легкая полуулыбка,
Прикрытая средневековым капюшоном...

Друзьям я стал предпочитать старинные дома...
Как пропылённые во тьме библиотек тома,
Они безмолвствуют, добавить нечего к тому,

Что сказано. Но лучше их читать по одному,
Касаясь пальцами гнилых фасадов, как страниц
Державинского классицизма – гения границ
Архитектуры слов. Плакат: «Не стойте у стены»
Предупреждает, что поблизости есть пльвуны
Давно истлевшей жизни. Осени стоят дожди.
В сырых подвалах на гвоздях ещё висят вожди.
На сумрачном стекле октябрьский вечер, как рентген:
Просвечивается среди улицы абориген:
Средневековый человек, но в чеховском пальто...

Моя стопа не путалась в эгейской пене,
И не носил я беломраморный хитон Афин.
Так отчего в моей височной вздутой вене
Блуждает по ночам античный молодой дельфин?
О чём его печаль, томление? Толчками
Меня на воздух гонит – в осень, в подворотню – к псам.
Деревья обнимал затёкшими руками.
И всё шептал почти в беспомыслии: «Нет, нет, я сам...»
Во мне, возможно, видит кто-то человека,
Как этот оребрённый светом солнечным графин.
Но ночью выбросился у ларька из века,
Как обезумевший дельфин на мертвый шум Афин.

АКАДЕМИЯ ЗЛУМИ (АЗ)

Елена Часовских

поэтики

встретились поэтики на слётике по этике у них свои поэтики у них свои эстетики пили энергетики болтали о косметике о космосе, эклектике рецензенте-скептике впрочем, без патетики и минимум конкретики

Елена Пойманова (девичья фамилия и литературный псевдоним Елена Часовских). Окончила филологический факультет Тамбовского государственного педагогического института. Кандидат филологических наук.

В настоящее время представляет Тамбов в проекте «Новая литературная карта России». Пишет сказки, стихи. В 2012 году стала финалисткой фестиваля русской речи «Русское слово» в Санкт-Петербурге. Работает в сельской школе учителем русского языка и литературы. Мама трех дочерей. Публиковалась во многих печатных изданиях Тамбова, Москвы, Санкт - Петербурга. Автор нескольких поэтических сборников.

зигзаги

И вдруг тебе шепнули: «Ты иной!»
И ты стоишь, пугливо озираясь,
От этой исключительности маясь,
Один, никем не понятый герой.

Потом сказали: «Ты такой, как все!»

И кажешься себе овечкой в стаде,
Некрашеной штaketиной в ограде

Или берёзой в лесополосе.

Так и идешь зигзагами к черте,
Выписывая пятками узоры.
А мог бы в это время двигать горы
И зажигать созвездья в темноте.

Птицы

Вот ты умрешь, а птицы будут жить.
Кружить, носиться под небесной твердью.
За горсть пшена купи себе бессмертье,
Которое за деньги не купить.

Ты замолчишь, а птицы будут петь,
Ни разу не возьмут фальшивой ноты.
Устав от боли, страха и заботы,
Так просто вслед за ними улететь.

Они вернуться, как всегда, весной,
И голос твой вернется вместе с ними.
И лица станут светлыми, другими
У тех, кто тяготился тишиной.

Чудеса

И всё же они творятся,
Библейские чудеса!
То в пламени растворяются
Тяжёлые небеса,
То, глыбы пробив махину,
Росток устремится ввысь,
То крылья распорют спину,
То вдруг приручатся лис...
Вино превратится в воду,
Гордец потеряет спесь,
И дух обретёт свободу
При жизни и прямо здесь.
Как делается, не знаю.
Но видела всё сама.
И, в раны персты влагая,
Устало молчит Фома.

Линия жизни

Линию жизни - новую -
Лезвием по ладони;
из пустоты, агонии,
страха и предрассудков
выковать меч поступков.
Пламя ожгло глаза мне.
Линию жизни - новую.
Я прозреваю - заново.

Алексей Долгов

Будем выступать там где еда
Где еда там люди с деньгами
Прослушанное и увиденное под еду
Пишется сразу на подсознание
Через день нас не вспомнят
Но через год
Представляешь
В голове откуда ни возьмись -
Бум Бум Бум!
Олл ю нид из лав бейба!

Родился в Тамбове. Окончил Тамбовский государственный технический университет по специальности «Инженер ПГС» и Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, получив степень магистра философии. Живёт и работает в Тамбове. Предприниматель. В 2000 году вступил в тамбовское отделение Академии Зауми, литературно-творческое объединение Студия «АЗ». Публиковался в журналах «Вавилон», «Футурум АРТ», «Перелом ангела. По следам XII Российского Фестиваля верлибра» (2005 г.), «Дети Ра», в Альманахе Академии Зауми и других изданиях. Автор четырёх книг: Истории Земных Предметов - 1998 г. Божественная Музыка - 2001 г. КиноРодинаТеатр - 2005 г. Все Про Все - 2010 г.

Это мы всплываем на жёлтой подводной лодке
Из глубины подсознания
Материализуемся по одному и навсегда
Входим в эту жизнь
На кусочке бутерброда с сёмгой
Выплываем на пенной волне крушовице
Обретаемся лёгкой отрыжкой прямо в вечность

Земля из-под ног встаёт уходит
процаетса
Посидели бы ещё время
торопится смотрит на лица
Обещает да как же все заново не успеть
Через точку мгновения тащить
внеочередную вселенную
По сугробам в одном валенке на край зимы где
Вкус запаха - слово безмолвие -
отсутствие всего
И новая горстка пепла от вставших грудью на пути сердца

Отрывается голова по линии отрыва
По линии фронта оборона
круговая порука
На струне висит молчание
А сорвется чёрт с ним упадет с плеча
Место надреза место твоего прикосновения
Шлите пунктиры перебором
Делите время на да и нет
На дворе трава на траве санки зимы ждут
Когда в нолик попасть

Когда в крестик уложиться
На ветру язык болтается вот и поговорили
По всему пути телефона
Лишь короткие теперь
Нет нет нет нет нет нет нет

Побег

Далеко бежит вперёд дорога
назад размытые следы
Кроет градом крышу - время тех кто ждал
С чистой совестью ногами вперёд и вперёд и вперёд
Все в одну и ту же лужу один и дважды
Прочь по скользкому мелкими шажками
Убеждаясь лишь в одном сантиметре десять километров
а) понять = поймать
Задержать дыхание до выяснения личности
Взять всю тяжесть на глубине вины
Как выкуп за скрип пера под ребро листа
Закатиться горизонтом солнечного смеха.
Кипящая голова мешает жить воде.

Александр Журавлёв

Червь из далёкой глубины
Стремится прочь и видит сны,
Как выползает он наружу.
Он душу изменил, и вот

Родился в селе Вишнево Староюрьевского района Тамбовской области 25 января 1984 года. Закончил с отличием школу, музыкальную школу, филфак ТГУ им. Г. Р. Державина. Стихи начал писать с 2001 года. Есть публикации в журналах («Литературный Тамбов», «Подъём», «ЛифФт»), альманахах («Золотая строфа», «Тамбовский альманах»), сборниках («Поэтех», «Излучение»), газетах («Тамбовская жизнь», «Староюрьевская звезда», «Рассказ-газета»), на сетевых ресурсах («Пролог», «Топос», «Поэтоград»). Являюсь членом Академии Зауми. Также пишу песни как на свои стихотворения, так и на стихотворения различных поэтов.

Он птицей в небесах поёт,
При этом суть свою нарушив.

Летает птица в небесах,
Но скоро обратится в прах,
И вмиг её изложут черви,
Ползя из дальней глубины
На нескончаемые сны
О небе в отсветах вечерних.

Монгольский сонет

Ураган травы -
Все без головы.

Я иду к тебе
Сквозь Курган-Тюбэ.

Вот курган Тувы -
Заворот скулы.

Золотые львы
У Сарай-Орды.

Мы судьбой горды,
А собой - увьи!

Занесёт ковыль
Пылью наши рвы...

Пролетит кулик:
«Чьи же вы? Чьи вы?..»

Стрекоза мне села на глаза
И открыла мне воспоминанья,
О которых я не мог сказать:
Я забыл про их существованье.

Климат был там чуть похолодней:
Больше ветра, ласкового ветра,

Ветра влажного, создателя теней
Трав и веток, листьев, трав и веток.

Рыбаков рябили поплавки
От волны, от солнца и от рыбы,
И стрекозы, словно лепестки,
Были ветром к поплавкам прибиты.

Разноцветье было на реке
Как в надводном, так в подводном мире;
Краснопёрка виделась в руке
Червяком от серебристых лилий.

Пересохла у людей глаза,
И исчезла вся вода у речек...
Крылья стрекозы не возразят
Людам, потерявшим человечность.

Пусть сегодня обнажилось дно:
Дно свободно от любых течений.
Будем ждать; заполнится оно,
И оттуда выползет ручейник.

не из кого не вылетят
умница не образуется
ей не требуется
мне не тербуется

мы искали её и присели
за пределами сейшна
гости угостили
готическая девочка не грусти
твой риск
проспонсировали
и даже отвезли домой
таксист потребовал двойную
оплату
но был не рад
рассказывал галантный москвич
ты ублежала салон
его друзья боялись
что что-то случилось
в нашем чужом городе
но никто не был потерян
а я тогда даже приобрел
девушку для поцелуев
раз в три месяца
deathstars дестрой
нам не о чем было извечно
говорить
но мне нравилось

слушать и смотреть
чтобы не стареть
или же повзрослеть
ложь – ложбина
для жалоб и жалости
но анаграмма была у вас –
количество любовников
художественное прошлое
cyber doom
выдумка
о долгий ореол воландеморта
я очаровался им
при первой же встрече
он поведал о коте
который поимел его свитер
а потом были ночи монти
пайтона
передача от бывшей жены в
твои руки
под пиво
и сейчас
мы нашли его
и идём в коломенское

святостью хвалились
веселились в печали высились
как продукты поддавались
как испорченное не оставляло в
нас следа

Родился в Москве. Окончил факультет журналистики
ТГУ им. Г.Р. Державина. Организатор поэтических
вечеров. Член студии «А3». Участник 12 и 13 Форума
молодых писателей России. Член Союза писателей
России. Публикации в журналах «Дети Ра», «Лиффт»,
в интернет-журналах «Дети Ра», «Лиффт», «Окно»,
«Другое полушарие», «Топос», «Пролог», «Арт-шум».

латинская ляжка
как сатанинский кряж
укоряла накаляла
твое забирала
пока не рвалась
лопес на кг 5

бритость
надетая избранность
адреналин в уде
радарствующем
выдери меня говоришь
или я говорю вибрирую
и выбери любую
как столешницу
и ведь сел и написал
с бритым надгубьем
ногами
всё как в ритме

**Антон
Веселовский**

софиты адюльтера
компромат бюстгалтера
усугубляющие регалии
быстрое соитие
в замедленной съемке
общественное нарицание
как абсолютное достижение

Реплики брошены, нет меня в
этих спектаклях
В следующих актах и
выстрелить я не должна.
В жизни поношенной и с
волосами как пакля
Снулой старушкой на вахте
закончит княжна.

Лёжа на рельсах давно
обесточенной ветки,
В этом туннеле фонарик
продать до конца.
Спицы, клубочек, табак, для
плезиру - конфетки,
Томик стихов, дневничок,
полуштофик винца.

Таёт на улице грязь, снег - как
дырки от сыра,
Для утепления - шаль,
наизнанку - как встарь.
Мартовский холод в костях -
оттого лишь, что сыро.
И, как фетиш, на стене -
отрывной календарь.

Чем бы извне поддержать «сам в
себе робинзона»?
Пусть горизонт генерирует

новый мираж?
Я тут «живу», мне родней и
комфортнее «зона».
Полуподвально плевать мне на
ваш бельэтаж.

Мрак коридорный подпёр собой
двери гримёрок,
Сеть ретрансляторов вновь
напряжён молчит.
Книги и цитрусы выел от корок
до корок
Общезлелеянный страхом уйти
аппетит.

Сцена немая. Всё в ней
наживное, как бисер, -
И на живое иголкой, и свиньям
- в лицо.
Сцену за сценой - мой к мели
дрейфующий глоссер -
Не описать и не выесть, как то
яйцо.

Что же там после яйца - среди
куриц и яблок?
Нет - посидеть на стене и -
нюхону на лоб!..
Перекатилась задумчиво
аннушкой на бок,
Масло в бутылке зажгла и
метнула в сугроб...

Родилась в Латвийской ССР, школу окончила уже
в независимой Латвии, проездом через Казахстан
очутилась на этнической родине - в России, а
конкретнее - в городе Тамбове, где во время учёбы
в ТГУ им. Державина молчаливо посещала студию
А3, за что и прозвана была Сергеем Евгеньевичем
Бирюковым её «подпольем».
В последнее время может быть найдена в сети по
адресу <https://vk.com/otzaycauxi>

Привычно целюсь пальцем в
небо.
Хочешь потрогать мокрую
штукатурку свода,
Свеженаписанное по ней
слово «свобода»,
Выполненное трюкачом на
автопилоте?
Я неделю без воды и хлеба.
Сидя в нелепости этого
ресторана,
Я по легенде в хлам и на сердце
рана,
Только на деле и говорить об
этом рано.
Мне - работа и - ещё работа.
Даже - ещё работа, и это вот, в
тайгу бы,
Чтоб только изредка, с устатку,
мстились мне губы,
Прочие части расчленённого

**Елена
Зайцева**

памятью грубо.
Без ванили, до седьмого пота.
А причины оставаться
существуют давно и без твоего
участия,
Рисуешь маркером линии, по
которым рваться на части,
Слишком уж чётко понимаешь,
какое оно - счастье.

СТИХО

так сложно написать хорошее
стихо
творение оно даётся так
непросто
а вот плохое да пожалуйста
легко
скорее сотрясай своим хореем
воздух

так трудно сочинить
недурственную по
весть из глубин моей фантазии
завяла
и место застолбить не смог я
среди столпов
и большее за миг вдруг
обернулось малым

переступить черту и к чёрту
всех кто лю
бил плоть мою дебил да
выдолбил немного
и вновь один стою по правилам
рулю
и прорицаю что впадает в
Каспий Волга

замучен и зажат лекалами разме

ров где моя душа подарен
крокодилам
очередной шедевр закончить не
сумел
но вспыхнув от стыда я
становлюсь светилом

ИЗЛОМ

К обрыву уже много лет вперёд
ползут дома, окутанные смогом.
Накренившийся правя вертолёт,
с небес на них пилот взирает
строго.
Подъёмных кранов стрелы лезут
вверх,
как шеи древних игуаноносов.
Блажит витрувианский человек,
на раструбе распятый
патефонном.
Асфальтом расчленённые луга
не манят травяным бурлящим
цветом,
и дворник, выдыхая перегар,
сметает с трасс банкноты и
монеты.
Играют преломлённые лучи
в воде холодной, складываясь в
карту,
и солнце говорит: «Иди, ищи,

Сергей Лёвин – поэт, прозаик, кинокритик, член
Союза российских писателей, Союза журналистов
России. Родился в 1978 году в городе Котовске
Тамбовской области. Окончил филологический
факультет ТГУ имени Г.Р.Державина. В 2001 году
переехал в Анапу. Участник форумов молодых
писателей России, лауреат всероссийских и
международных фестивалей, премии «Золотое
перо Кубани». Автор трёх книг стихов, книги для
детей «Антоха – анапский дельфинёнок», книги
прозы «Космос», создатель всероссийского
литературного проекта «Послесказие».

где прячется божественный
тарантул».
Так время, выдыхаясь,
хлещет нас
наотмашь по щекам и
ягодицам.
Кто не залезет нынче на
Парнас,
в Аиде непременно
очутится.
Намечен поэтический
излом,
и строить стих сложнее с
каждым разом,
и девушка изящная с веслом
подменена обрюзгшим
свинопасом.
Всё медленнее движется строка,

**Сергей
Лёвин**

и синтаксис даёт всё чаще сбои,
и дворник, преумножив перегар,
метёт литературные устои.
И слово ничего уже не стоит...

Сестра

Бабушку хоронили вчера.

А потом Вадим нашёл... В стопке бабушкиных документов, аккуратно, по-старушечьи перевязанных тесёмкой и завёрнутых в головной платок, Вадим обнаружил подробную медицинскую и психофизическую характеристику 10-месячного мальчика Вадима, заверенную печатью областного Дома малютки города такого-то, и заключение по усыновлению этого самого мальчика Вадима супружеской четой – здесь стояли имена мамы и отца.

Выходило так, что он, Боров Вадим Витальевич, вовсе не Боров, и не Витальевич, и вообще не сын своих родителей. Не внук любимой бабушки. И Анна ему вовсе не сестра.

Вчера сразу после похорон Анна подошла к нему.

– Я уезжаю, Вадим.

– Куда?

– На Дальний Восток. Может быть, больше не увидимся.

Сейчас Вадим сидел в своей полупустой комнате, не зажигая света, и раздумывал обо всём, что случилось. Он даже не пытался себя уговаривать, взывать к рассудку. Просто сидел, закрыв глаза руками, и смотрел, как в памяти всплывают картины его детства и юности.

Анью он с детства считал обузой. Почти всегда он доводил её до слёз, делая всё наперекор. Сестра любила животных – Вадим на ее глазах бросал камнями в собак и кошек. Конечно, не попадал, поскольку сам был жалостлив. Аня во многом подражала ему – он беспощадно её высмеивал. А кукла...

Куклу эту Вадим не любил – большого и нелепого голыша из пластмассы, одетого мальчиком. Вдобавок сестра звала «сыночка» Вадиком, и Вадима просто бесило, что такая уродина носит его имя. Он не упускал случая пнуть эту куклу, швырнуть ее куда-нибудь или, если уж Вадик находился под защитой сестры, обозвать его или плюнуть. Аня заступалась, Вадим зверствовал ещё больше, всё заканчивалось слезами, дракой и смертельной обидой.

Как-то Вадим увидел плачущую Аню, несущую в объятиях своего любимца. Точнее, что от него осталось. Голова оторвана, руки-ноги тоже. Мама утешала ее:

– Ну не плачь, Вадим сейчас его починит, только не плачь.

– Не починит! – рыдала сестра. – Не будет он его чинить! Он его не любит!

И столько безнадежности было в её рыданиях, в её по-взрослому горестных всхлипываниях – ну точно так плачут взрослые женщины, матери над умершим или больным ребенком, – что Вадим, устыдившись, сбежал в дальний угол бабушкиного сада и долго, украдкой, стыдясь самого себя, как все мальчишки, плакал там над бедной куклой, над сестрой, над общим нашим человечьим сиротством.

Куклу он починил.

Вадим встал, тряхнул головой. Надо же, как это бывает. Интересно, если бы он узнал об этом раньше...

Мама с папой были хорошими. Роднее родных. Отец единственный раз поднял руку на сына. Вадим долго не мог ему простить этого, хотя отлупить его тогда и в самом деле стоило.

Случилось всё из-за соседки Альбины Ивановны. Жили они тогда в двух объединённых комнатах общежития.

Вадим сам открыл дверь, в которую соседка немедленно ввалилась.

– Привет, хулиган, – дёрнула его за ухо. – Ну-ка, прими пальто.

Сбросила на Вадима своё пальто. Вадим рук не протянул, и тяжелая одежда рухнула на пол.

– Эх, растяпа! – весело крикнула она.

Вадим немедленно набылчился. Он с детства не любил таких вот бодреньких тётенок, которые в любом доме имели обыкновение делать вид, что они свои в доску. Вышедшая навстречу мама велела пальто поднять и повесить, гостью провела в комнаты.

А на Вадима будто нашло что-то. Альбине нужно было навредить во что бы то ни стало. Посадить Анькиного хомячка Гошу за подкладку Альбиного пальто – воображения Вадима хватило именно на это. Его чуть было не застали за этим занятием, а он уже подкладку зашпилил и держал пальто в руках, намереваясь повесить обратно. Альбина умилилась его вежливости, приняв пальто из рук. Но когда почувствовала, как Гоша в панике мечется где-то уже у неё под мышкой и, естественно, сразу не поняла, в чём дело, охнула и схватилась за сердце.

Когда разобрались, и Гошу освободили, и зашили нарушенную подкладку, и повели Альбину на общую кухню отпаивать чаем, а Вадим сидел злой в своей комнате после отцовской затрецины, сестра вошла к нему.

– Ты вот сидишь, а она там плачет, – сказала она.

– Альбина? Да чёрт с ней!

– Она же тебе ничего не сделала. За что ты её? И Гоша...

– Тоже плачет?

Сестра не ответила, вскинула голову и пошла прочь.

Ане было девять, Вадиму пятнадцать, когда погибли родители. Провалились в шахту вместе с лифтовой кабиной новостройки. Отправились осматривать полученную квартиру, хотели было взять с собой и детей, но не взяли.

И началась другая жизнь – у бабушки, в её маленьком и старом домике с садом из трех яблонь и нескольких кустов смородины. Аня с этого дня сразу притихла, перестала быть ябедой и приставалой. Да и то – кому теперь было ябедничать? Бабушке, которая никогда в жизни никого не наказывала?

Потом Анна вышла замуж, как-то совсем не торжественно. Но мужем она была довольна, семейная жизнь складывалась. В тот же год женился и сам Вадим.

Красивая и своенравная, Жанна была единственной лелеемой дочкой обеспеченных родителей. Аню она, кстати, невзлюбила с первых дней, хотя непонятно было, за что. Жанна всегда хотела быть единственной, и чтоб никаких посторонних друзей и родственников. Вадим, собственно, не был против.

Сначала он ещё заходил к бабушке, ненадолго. Аню, если не заставлял, не дожидаясь. А бабушка всегда хотела, чтобы они увиделись.

– Она сестра тебе, родная кровь,

Елена Борода

Елена Борода (Елена Владимировна) – писатель, филолог, литературный критик. Автор поэтических сборников, повестей для подростков, научных и критических статей в журналах «Октябрь», «Вопросы литературы» и др. Лауреат литературной премии В.П. Крапивина (2011). Финалист премий «Ясная Поляна» (2012), «Книгуру» (2016). Живет в г. Тамбове, преподает в университетских профильных классах ТГУ имени Г.Р. Державина.

– говорила она. – Ты её береги. Бывших жен много, а сестер бывших не бывает.

– Это, бабуль, смотря какие жены и смотря какие сёстры, – возражал Вадим.

– То-то и оно, – ворчливо отзвывалась бабушка.

Жанна ей не нравилась.

Потом Вадим стал заходить всё реже, потом перестал совсем. Когда они разводились, Жанна ничего из совместно нажитого забирать не стала. Оно, правда, и нажитого оказалось немного. Жанна обзвала Вадима ничтожеством и ушла. Даже дверью, как это принято, хлопать не стала.

Вадим так и остался жить на съемной квартире, которую мог не покидать по целым неделям. Аня приходила раз в неделю, убирала, готовила – опять же на неделю, – и уходила опять. Пыталась с ним о чём-то говорить. Потом перестала. Вадим почти всегда бывал угрюм. Иногда он даже не выходил из своей комнаты. Так в молчании и расставались.

Вадима большей частью злили эти ее визиты. Он был несчастен, голоден и зол – она мешала ему стать еще несчастнее, голоднее и злее. Но к её следующему приходу кастрюля с супом была пуста.

А теперь, когда Вадиму грозило настоящее, а не устроенное им самим одиночество, ему стало не по себе. Казалось, что Анна уже уехала.

Он не выдержал – снял трубку стационарного телефона и набрал её номер.

– Алло! – откликнулся тихий голос сестры.

– Аня, это я. Я сегодня нашёл... Я узнал... Понимаешь, – он с трудом искал слова, чтобы объяснить то, что передумал и пережил за это время.

Но Анна удивила его.

– Не надо, Вадим. Я знаю. Давно знала.

Вадим даже не нашелся, что сказать.

– От кого?

– Так. Случайно подслушала разговор родителей. Разве это важно?

– А разве нет?

Теперь замолчала Аня.

– Почему ты не сказала?

– Зачем? Для меня ничего не изменилось. Ты мой брат, я твоя сестра. Хотя ты, кажется, никогда этому не радовался.

«Родная кровь...» – вспомнилось ему.

– А как же бабушка? Не могла же она не знать.

– Не знаю. Может, знала, а может, просто забыла.

Забыла. Как забывают и прощают долги и обиды.

Вадим опять помолчал, беззвучно подышал в трубку, не зная, что теперь сказать.

– А для меня вот все изменилось, Аня, – наконец произнес он.

– Спокойной ночи, Вадик.

Вадим еще некоторое время слушал короткие гудки в трубке, улыбаясь неизвестно чему. Внутри всё ещё что-то ныло, но так, что было ясно: это скоро пройдет. Он лег не раздеваясь, подумал, что обязательно пойдёт провожать Аню в дальнюю дорогу, а потом будет писать ей письма, звонить и может быть даже приедет в гости. Когда-нибудь.

Этой же ночью ему приснилась бабушка. Она только что переехала в новую квартиру – это было там – Вадим даже чувствовал запах краски и новеньких обоев. Квартира была светлая и просторная. Без мебели, как всякое новое жильё. Бабушка стояла у распахнутого окна, в окно веяло свежестью, и Вадим живо представил себе, как она будет пить чай у этого окна, и какие повесит занавесочки, и какой заведет чайничек. Бабушка признавала только свежесваренный крепкий чай. И ноги у неё болеть не будут, как это было при жизни.

Бабушка всегда хотела, чтобы ее дети, внуки, а потом и правнуки поселились у нее и жили дружно. Большого дома при жизни у неё никогда не было – всю жизнь скиталась по хибарам. И вот теперь дождалась. Когда придут дети, не будет тесно. Вадим понял, что это был бабушкин рай. Он никогда не задумывался, как он представляет себе свой рай. Может быть, он не сильно отличался бы от бабушкиного.

Миросельская птица счастья, или Домой возврата нет

Новую серию «Честная проза» издательства «Эксмо» открыла книга писателя Алексея А. Шепелёва «Мир-село и его обитатели» – как её характеризует сам автор, «повесть в этюдах и размышлениях».

Прозаик, поэт и музыкант, лауреат и финалист ряда престижных творческих премий («Нонконформизм», «Дебют», Андрея Белого и других), член Союза писателей Москвы написал современную российскую деревню, жизнь в которой знакома ему не понаслышке. Шепелёв родился и вырос в обычном селе в Тамбовской области. Именно его жители – колоритные, узнаваемые, очень живые, объёмно-выпуклые – и стали героями нового произведения автора, характеризующего свой стиль как «эгореализм».

В легко узнаваемой манере «шепелёвского стиля» манере, иронично и сочно, уверенно жонглируя словами и затейливыми конструкциями из нанизанных друг на друга предложений, Алексей Шепелёв вспоминает о своём детстве и рассказывает, как безвозвратно изменилась за последние три десятилетия деревенская жизнь.

Выстраивая плотно повесть в первой части «Гляну на село...» изначально из сверхкоротких очерков-зарисовок о заявленных в заглавии обитателях, он во второй, гораздо более объёмной части, переходит к философскому обобщению жизни современной российской деревни, которая практически вся и есть – затерянная в тамбовской глубинке Сосновка, мало кому нужная, существующая по заведённому издревле укладу – тоже, правда, изрядно искажённому и потрёпанному вторжением города...

Герои первых новелл – Юрий Борисович, тётя Валя Колобок, Чубатый – каждый достоин

новеллы. Не карикатурные и не гротескные, общающиеся на своём полудialeкте, эти примечательные типажы вызывают то улыбку, то сочувствие. Появляются они мимолётом и в продолжение книги, в результате чего испытываешь эффект радостного узнавания.

Благодаря мастерству писателя эти люди – реально существующие! – становятся читателю почти что друзьями или даже дальними родственниками. Потому с какой-то стискивающей сердце грустью узнаёшь из ремарок в финальной главе, что Лимонхва и Коля Зима не пережили очередную зиму – замёрзли. Их трагическая гибель, возможно, и кажущаяся противоестественно-нелепой тем, кто привык ежедневно пользоваться всеми благами цивилизации, для мира-села – явление обыденное: здесь спокойно относятся к смерти. Да и сам этот микрокосмос неуклонно движется к распаду, с каждым новым десятилетием теряя, подобно тамбовскому чернозёму, плодородные слои, пока, увы, совсем ничего не останется...

Однако назвать новую книгу А. Шепелёва депрессивно-упаднической несправедливо. Печаль автора светла, а симпатии к героям, даже самым несимпатичным, очевидна. Самые невесёлые размышления об уходящей природе, тающем на глазах благополучии (заброшенные хозяевами избы, разбитые и не подлежащие восстановлению дороги, заросшие сорняками дворы) смягчаются фирменным шепелёвским чувством юмора.

За размышлениями о селе и о городе, их извечном противостоянии и непохожести скрывается ещё одна серьёзная проблема – неприкаянности творца, его неостребованности. Обитатели родного села не особенно разбираются в чтении и писательстве – после выхода первой части повести в «Новом мире», где она, между прочим, была названа одной из лучших журнальных публикаций года: «Чуть ли не опровержение собираются писать в районной газете! Не кострами инквизиции запахло, но особенно родоплеменной обструкцией и выдворением персоны нон-грата».

Здесь нет гордости за добившегося широкого признания литературных кругах односельчанина – лишь неприятие, ведь он, как ни крути, чужеродный в местных

реалиях феномен, для которого, как для героя Томаса Вулфа, «Домой возврата нет». Даже самые близкие люди – кровные родственники – быстро забывают о его успехах: «...картошку бы копать, свеклу возить, до шоу «Голос» успеть убрать скотину».

Впрочем, нет для писателя покоя и комфорта и в городах больших (см. роман «Москва-бад») или малых. И в муравейнике мегаполиса, захлёбывающемся в светловом движении толпы, Шепелёв остро ощущает «человеческий вакуум», и в этом бесконечном и безрезультатном, изматывающем духовно и физически поиске своего уютного мира – мира-села или мира-города, Миргорода – заключается глубинная трагедия автора.

Ещё в своей первой прозаической книге (роман «Echo») Алексей А. Шепелёв с присущей ему изначально прямолинейностью, честностью и открытостью впускал читателя в свои мысли, выворачивал наизнанку душу, шептал-говорил-кричал, не скрывая боли и радости, о том, что ему важно, что его по-настоящему волнует (и, конечно, не только его!) Тенденцию к своего рода исповедальности продолжает «Мир-село». Разве что эпатаж ушёл полностью, и на место прежнего стремления шокировать читателя, вытряхнуть его из мягкого и тёплого кокона беспроblemного существования пришли спокойствие, созерцательность и мудрость.

Повесть являет собой ещё и интереснейший слепок, запечатлевший переломный и переходный период в жизни деревни. На глазах у писателя, родившегося в 1978 году, разваливается СССР, и начинаются не самые вдохновляющие перемены: закрываются объекты культуры, многие жители из тех, что посуетливее да порасчётливее, уезжают зашибать денюгу в крупные города, наступает всеобщее запустение. Деревня превращается, по образному выражению прозаика, в «плоский тающий остров настоящего», завершается целая эпоха, «аграрная цивилизация и впрямь уходит», и пока не особенно ясно, каким будет завтрашний день Сосновки и тысяч таких же малых населённых пунктов, щедро рассыпанных по картам России.

Однако Алексей А. Шепелёв намеренно не сгущает краски, не превращает эпилог повести в эпитафию. Его герои всем проблемам и невзгодам назло продолжают собираться за большим столом на семейных

торжествах, самозабвенно горланить – да так, чтоб на всю улицу! – «птицу счастья завтешнего дня» и с по-детски наивным восторгом смотреть на залпы новогоднего фейерверка, раскрашивающие звёздное небо. Финальная фраза повести «Пока поют о космосе, пока летают – стоит село» даёт пусть и окрашенную долей горечи (и летают-то всё меньше и меньше, не до вселенских просторов сейчас), но всё-таки надежду, что «мир-село» продолжит свой путь на орбите.

Текст повести полифоничен. Он варьируется от жизнеописания и сюжетных, порой даже остросюжетных рассказов до публицистики и лиричных или ироничных микроэссе. Однако жанровое многообразие не выглядит излишне пёстрым, не рассыпается на фрагменты. Универсальным цементирующим раствором, объединяющим кирпичики текста в нерушимый монолит, становится язык автора – живой и пластичный, напоминающий по своей мелодике и выверенной ритмике поэтические строки. Вдумчивый читатель получит настоящее удовольствие от «пузырящегося, шампанского языка» (такую характеристику шепелёвской прозе дал Захар Прилепин).

Вообще в предельной открытости, лёгкости подачи, выразительности описаний и есть неповторимое очарование «Мира-села» – пожалуй, самого доброго, глубокого и искреннего произведения о российской глубинке, вышедшего за последние десятилетия. Это именно та книга, которую хочется порекомендовать для чтения людям любого возраста: одни почувствуют ожидаемую ностальгию, другие согласятся (или нет, да это и не столь важно) с чётко очерченной позицией писателя и гражданина.

Возможно, когда-нибудь и односельчане, сбросив оковы «сосновщины», примут земляка, словно блудного сына, с распростёртыми объятьями, и долгий и трудный путь домой всё-таки завершится.

Сергей Лёвин

Клуб «Четыре» появился на базе городского Дома молодёжи как проект, созданный Алексеем Маяковским (Голос Маяка) и Ириной Коневой. Клуб сотрудничает с Пушкинской библиотекой и различными заведениями города. Отправной точкой к созданию клуба послужил поэтический вечер «Четыре», который состоялся 5 ноября. Тогда участие приняли четыре поэта – Валентина Забавникова, Людмила Тетушкина (L.Che), Алексей Маяковский (Голос Маяка) и Григорий Куница. Спустя время состав участников расширился, и началась активная работа объединения: презентация проекта «Четыре» в Пушкинской библиотеке, поэтический движ «Итоги», старт проекта #стихиврублях.

От редакции. Мы не стали ничего менять в стихах поэтов клуба «Четыре», предоставив ребятам полную свободу творчества. В конце концов, мастерство — дело наживное, было бы желание работать. Главное, молодые поэты искренны в своих стихах.

Алексей Маяковский

В моём провинциальном городке, Закатанном как банка куполами, Ночами так тоскливо... И в реке, Шуршащей как ашановский пакет, Заигрывает нищета с понтами.

Здесь, рядом, в перекопанных дворах Оставленное юностью наследство: Две пары полукедов в проводах И карусель косая по соседству.

На этом самом месте, прямо здесь, Любили тех, кого уже не любим. Но до сих пор на сердце шрамы есть, Как на асфальте ямочки под дюбель.

На улицах, знакомых нам до слёз,

Ключи теряли. И друзей теряли. А драматизм с годами только рос, Как в заурядном телесериале.

И сколько впереди нас ждёт потерь, Ведь нам всего лишь только чуть за двадцать. Дай бог нам, за родную выйдя дверь, Самим бы навсегда не потеряться.

Прошли и ноябри, и декабри. Январь теперь в снегу, как под сметаной. А у моей распахнутой двери По-прежнему стоят два чемодана.

Один с пометкой «север», второй — «юг». И каждый ждёт такси к аэропорту. В одном — панамы, шлёпанцы и шорты,

В другом лежат две пары тёплых брюк.

Готов шагнуть в любую из стихий: Будь то вода, земля, огонь и ветер. Ложится пыль на свежие стихи, Написанные на твоём портрете.

Ложится пыль на голову мою. Виски уже седеют понемножку. Так долго приседаю на дорожку, Боюсь, что меня здесь и отпоют.

Часы стенные как бы намекнут, На месте встав, что затянулась кварта. Я слишком долго засиделся тут. Теперь пора в другую точку карты.

Давно пора, я знаю. Но я жду. Я хоть куда: Москва, Тюмень, Воронеж... Не важно, позвонишь или позвонишь. Скажи, куда. Я третий соберу.

Мне не надо ни слов, ни писем - Это пресно и слишком постно. Просто думай иногда обо мне, Если станет совсем несносно.

Мне не надо ни встреч, ни звонков - Они обязывают к чему-то. Просто чувствуй меня - мы с тобой Переживём любое поганое утро.

Мне не надо ни строк, ни песен - От них веет порой тоскою. Просто знай, что я рядом, я здесь, Если в омут решишь с головою.

Мне не надо в рамках

фото- Они пыльным покрываются слоём. Вспоминай лишь меня с охотой, Если вдруг твое сердце завоет.

И я почувствую, я пойму Каждый миг и любую минуту, Я поддержу, помогу И в жару, и в мороз лютый. И уходящей весной, И наступающим летом Просто помни, что я с тобой, И если надо, я даже приеду. В полночь, полдень и на заре... Моё сердце отчаянно просит: Не забыть меня и в сентябре, И зимой, сменяющей осень. И даже когда в жизни мирно,

И по всем бессонным ночам Пожалуйста, скучай по мне сильно. Просто по мне скучай.

в жизни каждого человека есть свои встречи и расставания. есть миллиметры между людьми и огромные расстояния. есть кусочки души и сердца, от раздачи которых не отвертеться. мы целуем друзей на прощание с уверенностью говоря, что встретимся снова, несмотря на республики и разные города.

а иногда прощаешься с человеком и понимаешь, что навсегда.

Ирина Конева

Родилась 11 апреля 1989 года в г.Тамбове. Училась в ТГУ им.Г.Р.Державина, искренне веря в своё светлое будущее после освоения специальности «Мировая экономика». Но не найдя в себе любви к экономике, 5 лет жизни после окончания университета посвятила работе с детьми в детских оздоровительных лагерях, реализовывая свой творческий потенциал. В данный момент ищет себя и расширять границы самореализации продолжает в работе с молодёжью в городском Доме молодёжи.

По променаду ветер проносил бумажки, конфетти, людские жизни и, покружив, выбрасывал в канал. Богема развлекалась кинофильмом

очередным. Известный режиссёр блевал в проулке номерным мартини. Цитировал прилизанный студент Вергилия актрисам эпизода.

Под небом бурным, пасмурным, чужим, в одной из комнат маленьких, чердачных, на моря утихающего даль смотрели два великих человека.

Для женщины весь воздух наполнял Его тяжёлый выдох. Для мужчины заканчивал свои пределы мир

у основания шеи, напряжённой

подрук переплетением. Его последняя сигара зажигалась огнём вулкана. Бедствия Её топились в винном омуте. Серела,

старела ночь. Гуляки разбрелись, в сон погрузились львы евангелиста. Вода повредила колотить в мощный камнем берег, и планеты

умерили движенье, тормозя развитие момента так, что время пошло заметно медленней, Ему позволив внутрь вместе с никотином

упрятать всю пустую болтовню, а Ей же провести по подбородку невыбритому пальцами, пока возможно и они не разбежались

по разным жизням. Не тревожа миг, и тишь осенней ночи не тревожа, готовил ускорение им Рок, бесстрастный страж гармонии Вселенной.

Настигнет разрушение дуэт, и, кажется, что быть ему последним в Европе дряхлой (старческий маразм ведёт к войне уж по второму кругу).

Ещё не раз на улицах сожгут Его слова, Её лицо с афиши не раз сорвут с проклятием. Их мир сгорит дотла, ощерится страстями.

Студент терял невинность. Режиссёр трезвел. Заканчивалась плёнка. Светало, и объединённый взгляд с волнами добежал до горизонта.

Григорий Куница

19 лет. Молодой человек. Провинциал. Студент-историк в Петербурге. Вырос в дороге между частным сектором и панелькой у оврага. С тринадцати лет безнаказанно коверкает русский язык. С шестнадцати лет безнадежно влюблен в красное полусладкое. Два раза был в Европе и чуть побольше в разочаровании. Нет ничего очаровательнее поездов.

Мы не сотканы золотыми нитями,
Мы поющие духи улицы,
Умирая, мы не станем безликими,
И в склепы наших мечтаний, вряд ли уж кто-то сунется.

А ты моя принцесса безгрешная,
Вечно юная, вечно одна,
Лишь поддонками ты замечена,
От того и изрядно пьяна..

А ты пой свою песню, милая,
Пой под тихий утренний стон,
Над теми пой, кто собравшись с силами,
Остаётся беспечно влюблён..

И с зарёй унесись в небо дикое,
Затянутое облаками со злости,

И зарю вкусив, и тонкий миг её,
В усмерть убьёмся, выкурив твои череп и кости.

Долго ль будет жива Россия?
Долго ль пламени лютому биться в груди?
Ожидая прихода Мессии,
Сам, хотя бы в своих глазах, не пади.

Мама, спасибо за эти берёзы,
Спасибо, что ты родила меня здесь,
Пригорюневшейся Родины блаженные слёзы
Выпью до дна, в этом сам я весь.

Подбросил дров, медовухой угостил пастуха Махмуда,
Очень хорошо, что я здесь,
Моё сердце никогда не уйдёт отсюда.
Стрельнул махорки,
посмотрел в затянутое небо,

Кусок мяса со вчерашнего вечера, кофе в турке, ломоть хлеба. **Касим**

Знаешь, местную махорку, это лучше чем сигарет пачку,
Перетянулся, вспомнил красавицу скрипачку.

Крыша- небо, шумят чёрно-белые деревья.
Слышал про леших и водяных?
По ночам лес воскрешает поверья..

Старое водохранилище, осень, рыбацкие сети,
Если придётся, представиться - для меня будет честь,
Лишь бы в подобном месте росли мои дети.

Дружище, что для тебя Россия?
То, что кузница для клинка,
От подъездов обшарпанных, некрасивых
До ромашкового венка.

Родился на Тамбовщине в 1994 году. Нежно люблю свою малую Родину и счастлив, что вырос здесь. Она даёт мне вдохновение. Так же на моё искусство повлияло творчество Пушкина, Лермонтова и музыка современных поэтов-хулиганов.

Яна Чайкина

Напиши обо мне. Попробуй.
Пару строк изнутри вытащи.
Пару мыслей - совсем немного.
Обо всем, что для нас несбыточно.

Напиши обо мне глупый стих.
Я его заучу наизусть.
Он будет, невидим, нелеп и тих,
И никем не прочитан - пусть.

Напиши обо мне одной,
Заточи мою тень в словах.
Напиши и я отправлюсь в бой,
С твоими рифмами, как с мантрой на устах.

Самолёты взлетают и не возвращаются...
Как же эта земля до сих пор возвращается?
Как в жизни в один вздох длиною

Не слететь с катушек нам с тобою?
Сколько, милый, нам намечено?
Доживём ли до новой встречи?
И если этот миг неповторим
Лови каждое моё слово.
Ведь я запомню тебя таким,
Если мы не увидимся снова.

Как же эта земля до сих пор нас носит?
Когда нас сломает и сбросит?
Мы же гости здесь, просто гости.
Какое небо здесь, какие сосны...
Какие мы до скуки взрослые.
Хватит думать, что это плохо.
В конце-концов кто нас будет судить?
В жизни длиною в пол вдоха
Единственный выход — любить.

Самолеты взлетают и не возвращаются.
Для всех, кто ждал - больная весть.

Но мы то живы, и мир вращается!
И я так счастлива, что ты здесь... *******

Помню санки, снег скрипучий.
Шапка белая с помпоном.
Всё тогда казалось лучше.
Мне 5 лет. Гуляем возле дома.

Мир казался доброй сказкой
Мама, папа, рыжий кот.
Дом теплее. Ярче краски.
Никаких забот.

Нипочём мороз и ветер.
Снег копаю, хохочу..
И любой сугроб на свете
Покорить мне по плечу...

Снова санки. Снег скрипучий.
Шапка синяя с помпоном.
Всё как раньше. Даже лучше.
Сыну пять. Гуляем возле дома.

28 лет. Родилась и выросла в Тамбове. Закончила ТГУ им. Г.Р. Державина, актёрское отделение. Актрисой не стала, но любовь к театру и кино сохранила на долгие годы. Вдохновляют на творчество: музыка, танцы, горы, море, человеческие эмоции. Первые стихи написала в 5 лет. Работает консультантом в аутсорсинговой компании и мамой 5-летнего сына.

В ЭТОМ ГОРОДЕ

В этом городе зимы снежные,
Грозы осенью, летом зной.
В этом городе пусть приезжий я,
Для меня он такой же родной.

Здесь весной расцветает черёмуха
И струится берёзовый сок.
Чувство каждое сердцу дорого,
Что с тобой ощутить я смог.

Здесь поля засеяны злаками,
В небе белые облака.
И мальчишкой с мамой за руку
Шел я радостно в первый класс.

Над рекою утром весенним
Густоватый ложится туман,
Здесь студентом я ветки

сирени
Той ломал, что любил без ума.

Не велик ты, быть может, поэтому
Переулочек твой каждый знаком,
Край Тамбовский, воспетый поэтами,
Заменил мне родимый дом.

Мальшом я с тобой познакомился,
А случится расстаться, ты знай,
Моё сердце хранит, сердце помнит всё,
Мой родной, мой любимый край!

ДОЧЕРИ

Поднимался солнца алый диск
Над лесной заснеженной опушкой,

В моей жизни появилась жизнь
Маленькой улыбчивой девчужкой.

Вне сценических площадок и кулис
Я навеки примерил новый образ -
В моей жизни появилась жизнь,
Что своей дорожке в миллион раз!

Пусть теперь ускорит время бег,
Но живей и радостней дорога -
В моей жизни появился смех,
Искренний, раскатистый и звонкий -
Детский смех счастливого ребёнка.

Отпущу я благодарно ввысь
Крик, мою переполнявший душу -
В моей жизни появилась жизнь
Маленькой улыбчивой девчужки.

Андрей Арушанян

Родился в Армении в 24 декабря 1989 года. Родители переехали в Тамбов, когда ему было пять лет. В России, будучи подростком, Андрей познакомился с творчеством советских и российских поэтов и исполнителей: В. Высоцкий, А. Н. Башлачев, В. Р. Цой, И. Ф. Летов и другие. Тогда и появилось желание самому попробовать писать стихи. Придавать этому более осмысленное значение он стал относительно недавно. В 2015 году стал участником Всероссийского фестиваля «Русские рифмы».

Унибром, 18x24, №3

Так маркировался самый распространённый вид фотобумаги в доцифровую эпоху.

Кино не убило театр, а вот цифровая фотография основательно покалечила искусство аналоговой чёрно-белой фотографии, изобретённой французами Жозефом Нисефором Ньепсом и Луи-Жак Манде Дагерром ещё в первой половине XIX века.

Сегодня даже владелец простенького мобильника считает себя фотографом, а обладатель дорогого «цифровика» чувствует себя королём светописа. Экспозиция, диафрагма, резкость на нём устанавливаются автоматически, поэтому участие автора в создании фотографии минимальное – достаточно факта присутствия при событии. О композиции, ракурсе, направлении света он уже не думает – главное, чтобы горизонт не был завален. Аналоговая же, особенно чёрно-белая фотография, требовала прямого участия автора, а основное чудо творилось в фотолaborатории при красном свете фонаря. Там фотограф мог для выразительности сознательно резануть кадр, завалить горизонт, усилить или ослабить контрастность, подвергнуть отпечаток соляризации или «голодному» проявлению. Сегодня всё это легко можно сделать с помощью фотошопа, но большинство владельцев цифровиков полагаются на умную автоматику. И правильно, наверное, делают, ибо владение фотошопом требует особых навыков.

Расцвет чёрно-белой фотографии пришёлся на 60-70-е годы, когда она окончательно утвердилась как самостоятельный вид изобразительного искусства. В стране появились

Виталий Хлыстов

признанные мастера мирового уровня. В Тамбове «на уровне» работали Дмитрий Бресткин, Николай Куксов, Виктор Кокшаров, Анатолий Самошкин, братья Алексей и Борис Ладыгины, Валентин Антонычев, Алексей Фоменко. В этом ряду стоит и Виталий Хлыстов, который сначала работал фотокорреспондентом в молодёжной газете «Комсомольское знамя», затем в «Тамбовской правде», пока по семейным обстоятельствам не перебрался в город Обнинск Калужской области, где живёт и поныне.

Прошлой осенью Виталий Хлыстов скинул автору этих строк часть своего отцифрованного фотоархива. Несколько работ из него мы и публикуем.

Евгений Писарев

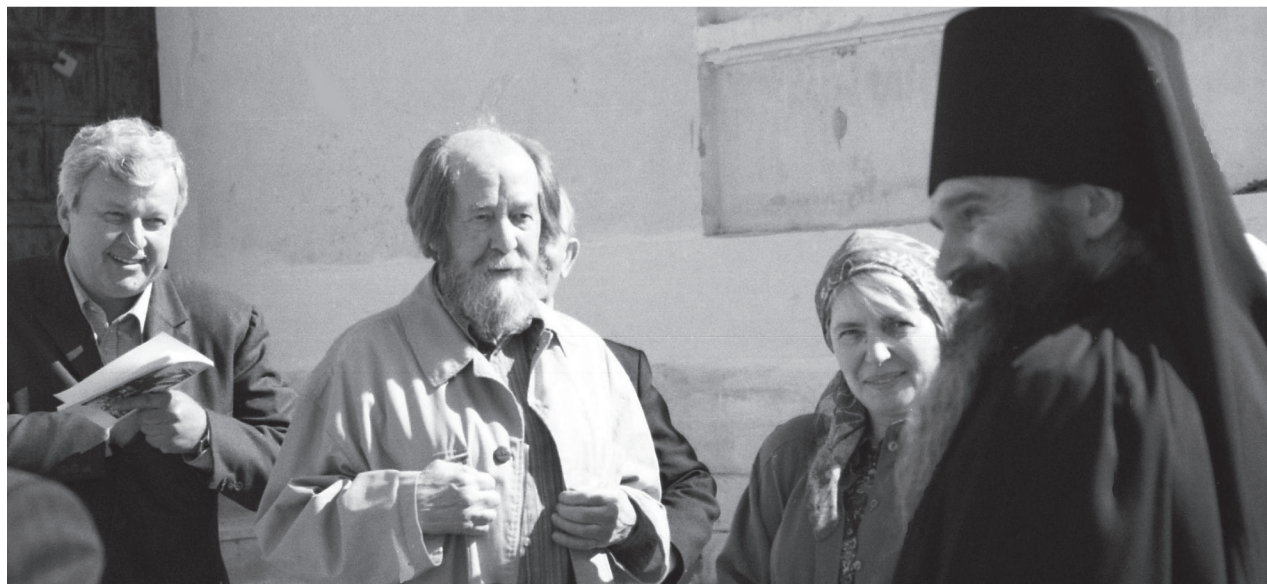
Трио.

Фото на первую полосу.

Сын комбайнёра

Неожиданная встреча. А. Солженицын.

Тоже рынок.

РАССКАЗ- ГАЗЕТА

Отпечатано в типографии
ОАО «Издательский дом
«Мичуринск»:
г. Мичуринск, Тамбовская область,
Липецкое шоссе, 5

Тираж 999 экземпляров
Заказ
Распространяется бесплатно
Точка зрения редакции может
не совпадать с мнением авторов статей

Главный редактор
О. В. АЛЁШИН
Телефон: 8-953-71-81-322